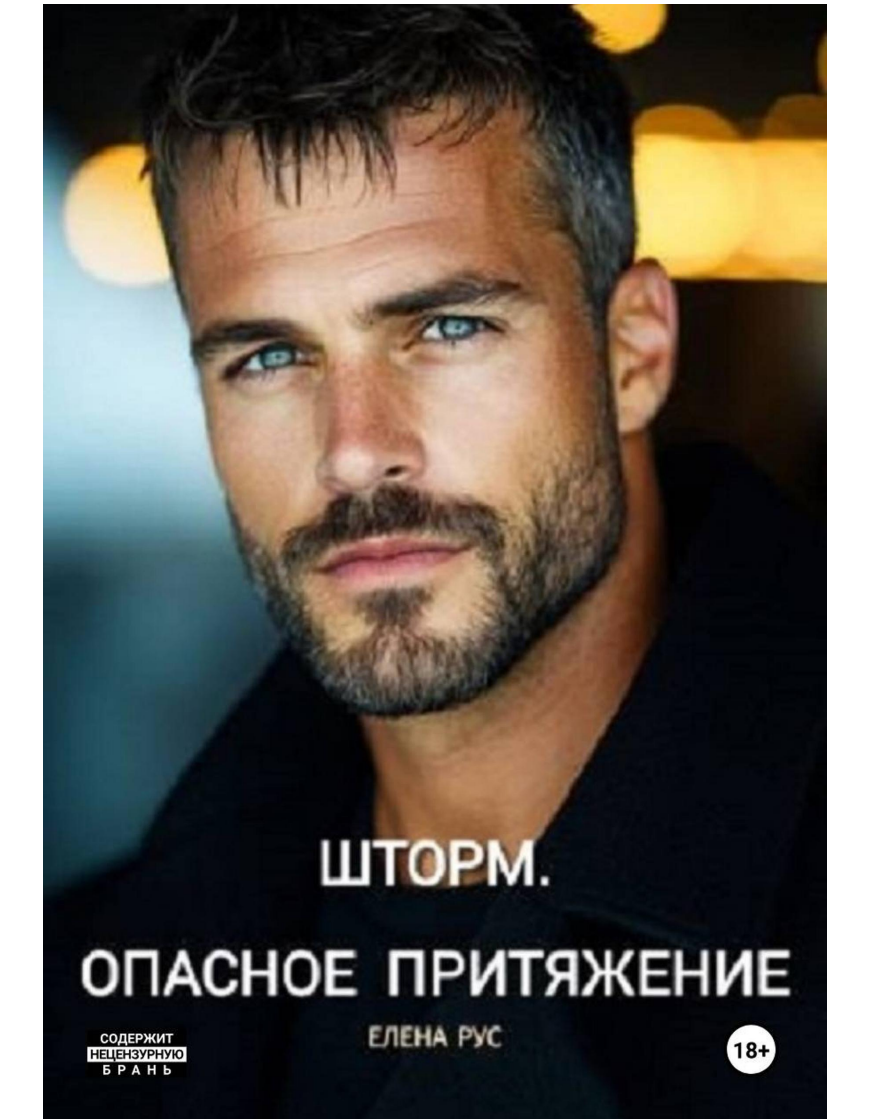

A close-up portrait of a man with dark, slightly messy hair, light blue eyes, and a well-groomed beard and mustache. He is looking directly at the camera with a neutral expression. The background is dark with out-of-focus warm yellow lights, creating a bokeh effect.

ШТОРМ.

ОПАСНОЕ ПРИТЯЖЕНИЕ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ЕЛЕНА РУС

18+

Елена Рус

Шторм.Опасное притяжение

<https://litres.ru/74328419>

SelfPub; 2026

Аннотация

Ася медсестра в частной клинике, чья жизнь превратилась в замкнутый круг боли и унижений. Она замужем за полицейским, который из-за ранения стал агрессивным и патологически ревнивым, он регулярно избивает её и беспрестанно звонит с работы, проверяя, «не загуляла ли» она. К этому добавляется ежедневное давление вечно ворчащей свекрови инвалида, за которой Ася вынуждена ухаживать.

Савелий, известный в криминальных кругах как «Шторм» бывший спецназовец, а ныне влиятельный бизнесмен с многомиллионным состоянием и репутацией человека, не знающего пощады. После покушения он чудом остаётся жив и приходит в себя в клинике, где работает Ася.

«Шторм. Опасное притяжение» это история о том, как любовь способна усмирить самый свирепый шторм и дать силы вырваться из плена страха. Сможет ли Ася оставить позади годы унижений? И готов ли Савелий ради неё изменить не только свою жизнь, но и принципы, по которым жил годами?

Содержание

Глава 1 Савелий	4
Глава 2 Ася	8
Глава 3 Савелий	14
Глава 4 Ася	20
Образы героев	27
Глава 5 Савелий	30
Глава 6 Ася	35
Глава 7 Савелий	41
Глава 8 Савелий	46
Глава 9 Ася	52
Глава 10 Ася	59
Глава 11 Савелий	64
Глава 12 Савелий	70
Глава 13 Ася	76
Глава 14 Ася	81
Глава 15 Савелий	87
Конец ознакомительного фрагмента.	92

Елена Рус

Шторм.Опасное притяжение

Глава 1 Савелий

Темнота. Не та уютная, в которой засыпаешь, а вязкая, удушающая, как болотная жижа. Она давит на виски, сжимает грудную клетку, не давая сделать полноценный вдох. Я пытаюсь открыть глаза, но веки будто налились свинцом. В ушах стоит гул, то ли сирены, то ли шум лопастей вертолета, который я успеваю в последний момент покинуть.

Боль. Острая, пульсирующая, она бьется внутри черепа, словно пытается расколоть его, как орех. Я знаю этот коктейль ощущений. Наркоз. Переливание. Я на грани между сознанием и отключкой, балансирую на тонкой кромке, где реальность смешивается с кошмарами.

И вдруг сквозь этот гул прорывается голос.

Он не резкий, не командный, как у врачей, и не хриплый, как у моих бойцов. Он мягкий, обволакивающий, словно теплый плед в промозглую ночь. Голос женский. Она говорит не со мной, видимо, по телефону, и в её интонации нет ни страха, ни напряжения.

— ...Да, я понимаю, но у меня действительно срочное дело. Это не прогул! — слова звучат четко, но без дерзости, с той спокойной уверенностью, которая обезоруживает.

— Я вернусь к шести, обещаю.

Я пытаюсь сфокусироваться на ней. Кто она? Почему её голос — единственный островок спокойствия в этом хаосе боли?

Она заканчивает разговор, и я слышу шелест одежды, звук шагов. Потом тихое:

— Вы слышите меня? Сейчас я доктора позову.

Хочу крикнуть:

«Погоди!»

Но голос охрип, а в горле пустыня. Пить хочется жутко, будто я не в клинике, а снова в сирийских песках, где вода была на вес золота.

Пытаюсь сфокусировать взгляд, но всё плывёт, потолок качается, стены съезжаются, словно комната — это корабль в шторм. Сквозь пелену вижу размытый силуэт в белом халате, она! Та, чей голос выдернул меня из тьмы. Но прежде чем я успеваю протянуть руку, фигура исчезает за дверью.

В палату кто-то входит, тяжёлые шаги, запах антисептика и дешёвого одеколона. Яркий свет фонарика бьёт в глаза.

— Да, блядь, уберите это от меня! — сиплю я, пытаюсь прикрыться рукой.

Голос звучит хрипло, как ржавые петли. Пытаюсь донести до придурка, что и так прихожу в себя...

— Савелий Алексеевич, я ваш врач, Фёдор Павлович! — звучит спокойный, нарочито ровный голос.

— Смотрю, вам уже лучше?

Я прищуриваюсь, игнорируя боль в висках. Врач — плотный мужчина лет пятидесяти, в очках с толстой оправой. За его спиной маячит медсестра с капельницей, но это не она. Не та, что говорила по телефону.

— Где она? — выдавливаю я, и сам удивляюсь своей настойчивости.

Обычно мне плевать. Но сейчас это вдруг становится вопросом жизни и смерти.

Фёдор Павлович хмурится, поправляет очки:

— Кто, Савелий Алексеевич?

— Девушка. Та, что была здесь до вас. Голос... — я осекаюсь.

Звучит безумно. Я, взрослый мужик, гроза половины города, требую найти медсестру по голосу.

Врач обменивается взглядом с медсестрой. В его глазах профессиональное сочувствие пополам с недоумением.

— Возможно, это была Ася, одна из дежурных медсестёр! — осторожно говорит он.

— Но сейчас она подменилась и придёт только утром. Вам нужно отдохнуть, восстановиться. У вас серьёзное ранение, операция, потеря крови...

Я отворачиваюсь. Слова врача доходят до меня будто сквозь вату.

«Ася».

Имя красивое. Теперь я знаю, как её зовут.

— Воды! — хриплю я.

— Конечно, только немного! — оживляется врач.

— А потом вам нужно поспать. Организм должен восстановиться.

Я киваю, но думаю не о восстановлении. В голове снова и снова звучит её голос:

«Я вернусь к шести, обещаю».

Осталось дождаться шести.

Глава 2 Ася

Я выхожу из клиники, после того, как отпросилась у заведующей. С Настей моей подругой по медицинскому колледжу, а сейчас такой же медсестрой как и я, попросила поменяться на смене до шести утра.

Ветер треплет волосы, но я даже не пытаюсь их поправить, некогда. Сегодня надо успеть столько всего, накормить свекровь, убрать в её комнате, приготовить ужин, выслушать упрёки, а потом ещё найти в себе силы улыбнуться Толе, будто ничего не случилось.

Будто синяк под глазом это просто случайность, будто спина не болит от вчерашних «объяснений», будто внутри не всё сжимается от одного звука его шагов.

По пути забегаю в магазин. Покупаю всё, из чего можно приготовить полноценный ужин, курицу, овощи, крупы, ещё фрукты, свекровь любит всё самое лучшее. Хотя Толя на продукты даёт очень мало денег, приходится покупать на свои. Каждый раз, выкладывая купюры на кассу, я думаю:

«А на что я буду жить сама? А если заболēju? А если...»

Но тут же обрываю себя. Нет времени на эти вопросы. Есть только «надо».

Свекровь вечно недовольна моими блюдами. «Слишком пресно», «слишком сладко», «опять эта курица, как можно есть одно и то же». Но всегда всё съедает до последней

крошки. И смотрит на меня своими колючими глазами, будто ждёт, что я сорвусь, закричу, отвечу резко. Но я молчу. Киваю.

Она в инвалидном кресле вот уже три года. Инсульт случился после смерти мужа. Толя за ней ухаживать не хочет, говорит, нужна женщина. Сиделку она выгоняет уже четвёртую.

«Не так подала», «не так сказала», «не так посмотрела».

Поэтому приходится мне после смен бежать домой, чтобы накормить её и навести порядок в её комнате.

Поднимаюсь на третий этаж старого дома, где мы живём. Ключ застревает в замке, как всегда. Свекровь уже ждёт. Слышу её голос ещё до того, как открываю дверь:

— Ну и где тебя носило? Опять по своим подружкам шлялась? Толя на работе, нервы себе мотает, а ты где-то пропадаешь!

— Римма Сергеевна, я тоже была на работе. — спокойно отвечаю я, снимая куртку.

— И за продуктами заходила. Сейчас всё будет.

Ставлю пакет на стол, начинаю раскладывать покупки. Свекровь следит за каждым моим движением.

— Опять эти яблоки? Я просила груши! Ты что, не слышишь, что я говорю? — В следующий раз куплю груши. — тихо отвечаю я.

Она хмыкает, отворачивается к окну. Я знаю этот взгляд, сейчас начнётся новая порция упрёков. Но я уже научилась

пропускать их мимо ушей. Внутри всё сжимается, но внешне я спокойна. Так спокойнее всем.

Пока готовлю ужин, телефон вибрирует в кармане. Толя. Опять.

«Где ты?» «Почему не отвечаешь?» «Я же сказал, чтобы ты сразу сообщала, когда уходишь с работы!»

Пальцы дрожат, когда я печатаю ответ:

«Я дома, готовлю ужин».

В этот момент, нарезая морковь, я случайно задеваю ножом палец. Крови немного, но достаточно, чтобы на белой поверхности доски появилось алое пятно. Я зажимаю рану салфеткой, смотрю на неё и вдруг чувствую, как к горлу подступает ком.

Почему так? Почему моя жизнь, это бесконечная череда обязанностей, упрёков и боли? Почему я должна улыбаться, когда хочется кричать? Почему...

Через час, я уже приготовила ужин, навела порядок в комнате свекрови и мысли обрываются, когда я слышу, как в замке поворачивается ключ. Толя. На мгновение всё внутри замирает, а потом меня начинает трясти, мелко, неудержимо. Руки сами тянутся вытереть слёзы, которые ещё не успели пролиться. Глубокий вдох. Выдох.

«Сейчас начнётся, но нужно потерпеть!». — говорю я себе.

Дверь распаивается. В коридор врывается запах пота, табака и дешёвого одеколona, фирменный букет моего мужа.

Он с порога подходит ко мне и даёт пощёчину, от его силы я хватаюсь рукой за шкаф, чтобы не упасть. Щека горит, слёзы самопроизвольно бегут по щеке, оставляя мокрые дорожки.

— Я тебя предупреждал, чтобы ты мне всегда докладывала, где ты находишься! Ты дура или прикидываешься? — начинает он, сжимая кулаки.

Свекровь, как всегда, в своём репертуаре, тут же встречается:

— Толя, сынок, ну что ж ты так с ней... Но она ведь и правда вечно где-то пропадает, вместо того чтобы о тебе заботиться!

Я молчу, глядя в пол. Внутри всё дрожит, но я заставляю себя дышать ровно.

«Просто пережди. — шепчет внутренний голос.

Он успокоится, пройдёт...»

— Ну что молчишь? Отвечай, когда я с тобой разговариваю!

Муж делает шаг ко мне, и я невольно отшатываюсь.

— Я была на работе, просто не успела тебе написать, зашла купила продукты, приготовила ужин... Что ты ещё хочешь от меня услышать? — говорю я спокойно, но внутри меня трясёт так, что, кажется, зубы вот-вот застучат.

Муж не ожидал, что я отвечу, потому что я стараюсь молчать, когда он в таком состоянии. Его глаза сужаются, он делает ещё шаг ко мне, нависая всей своей массивной фигурой.

— Ты ещё и огрызаешься? — шипит он.

— Совсем страх потеряла?

Я чувствую, как слёзы снова подступают к глазам, но усилием воли заставляю их отступить. Нельзя плакать. Плач это слабость, а слабость только распаляет его ярость.

— Я не огрызаюсь. — выдавливаю я, стараясь, чтобы голос не дрожал.

— Я просто объясняю. Я правда была на работе. Настя может подтвердить, если хочешь...

— Мне не нужны подтверждения от твоих подружек! — он резко поднимает руку, и я невольно сжимаюсь, ожидая нового удара.

Но он лишь тычет пальцем мне в грудь.

— Ты будешь делать то, что я скажу, и сообщать мне о каждом своём шаге. Поняла?

Свекровь, наблюдавшая за сценой, вдруг снова подаёт голос: — Толя, ну что ж ты так строго... Но и ты, Ася, должна понимать, муж глава семьи. Ему нужно уважение оказывать, а не спорить!

«Уважение... — мысленно повторяю я.

А разве уважение не должно быть взаимным? И то, что мужчина бьёт женщину, это тоже уважение?»

Но вслух я, конечно, этого не говорю. Просто киваю: — Да, я поняла. Извини.

Он смотрит на меня ещё несколько секунд, будто оценивая, достаточно ли я покорна. Затем фыркает и отступает. —

Ужин на стол. И побыстрее.- бросает он.

Я молчу. Киваю. Но в голове снова и снова звучит вопрос:
«Сколько ещё?»

И впервые за долгое время я не отвечаю себе «пока не умру».

Глава 3 Савелий

Доктор с медсестрой выходят из палаты, и я остаюсь один на один со своими мыслями.

Вдруг дверь резко распахивается, и в палату врывается Яр, мой брат. Он всегда появляется так, без стука, без предупреждения, будто пространство перед ним само расступается.

— Ну, Савыч! — Яр подходит к кровати и протягивая свою лапищу, сжимает мою.

— Живой. А я уж думал, всё! Напугал меня до седины.

Я хрипло смеюсь и морщусь от вспышки боли в груди:

— Седина тебе не грозит, ты и так наполовину белый.

Яр фыркает и придвигает стул, садится рядом. Он выглядит взъерошенным, рубашка не заправлена, рукава закатаны.

— Рассказывай! — требует он, скрешивая руки на груди.

— Врачи мямлят, мол, «стабильно. Я им не верю. Ты-то как?

Я закрываю глаза на секунду, пытаюсь собрать мысли.

— Как видишь! — отвечаю я.

— Жить буду! Но подонок Решетников не остановится, пока не прикончит меня и не отожмет участок под завод! Яр ты узнал что-нибудь?

Я делаю глубокий вдох, слишком резкий, и снова морщусь

от боли в груди. Яр замечает это, и его лицо на мгновение искажается тревогой. Он подаётся вперёд, будто готов вскочить и позвать врачей.

— Спокойно! — хрипло говорю я, поднимая руку в успокаивающем жесте.

— Всё нормально, просто не рассчитал.

Брат откидывается на спинку стула, но взгляд остаётся напряжённым.

Я открываю глаза и смотрю прямо на него:

— Яр, этот Решетников, не просто мерзавец. Он опасен. Он уже дважды пытался меня убить. Первый раз «случайное» ДТП, помнишь? Тогда я отделался переломом и сотрясением. Думал, совпадение... наивный. А теперь вот, взрыв около моего дома.

— Врачи говорят, повезло, что был в дальнем углу. Но это не везение, Яр. Это он.

Брат сжимает кулаки, вены на руках вздуваются. Я вижу, как в нём закипает ярость, знакомая.

— Я навёл справки.- тихо говорит он.

— У Решетникова длинные руки. Связи в мэрии, покровители в области. Он уже присмотрел участок и не только наш, Савыч. Ещё пара владельцев должны «добровольно» продать землю, и он получит нужную территорию под завод.

— И они согласятся? — я горько усмехаюсь.

— После того, что он со мной сделал?

— Не все знают! — качает головой Яр.

— Он действует аккуратно. Угрозы, «несчастные случаи», давление через банки... Люди сдаются. Боятся.

Я стискиваю зубы. Боль в груди отступает перед волной холодной злости.

— Значит, так! — я приподнимаюсь на локтях, игнорируя протест тела.

— Я не сдамся. Ты собрал доказательства? Видео, записи, свидетели?

Брат кивает и достаёт из кармана телефон.

— Коечто есть. Один из охранников его склада разговорился после пары стаканов. Говорит, слышал, как Решетников отдавал приказ «разобраться с упрямым собственником». Ещё есть записи с камер, не прямые улики, но зацепка.

— Отлично! — я выдыхаю.

— Но этого мало, надо проследить за его шакалами и за ним самим. Что на этот раз он придумает? Думаю добить меня всё равно попытается?

— Я оставлю около твоей палаты двоих парней, так что не волнуйся! — отвечает мне серьезно брат.

— Ты только восстанавливайся побыстрее, а за Решетниковым я уже устроил слежку, рано или поздно, если не проколется с другими, значит убирать его нужно Сав!

Я резко приподнимаюсь, забыв про боль.

— Постой брат! — мой голос звучит резче, чем я рассчитывал.

— Слежка это хорошо, но не лезь на рожон. Ты не пони-

маешь, с кем имеешь дело? Решетников не какойто мелкий рэкети́р из девяностых, у него охрана, связи, деньги. Он заметит слежку, и тогда...

Я замолкаю, не договорив, но брат понимает без слов.

Яр хмурится, потирает затылок:

— Да осторожен я, Савыч. Не волнуйся. Ребята надёжные, работают тихо. Никто не заметит.

Я провожу рукой по лицу, пытаюсь собраться с мыслями. Боль в груди напоминает о себе тупой пульсацией, но я игнорирую её.

— Помни, если он поймёт, что мы за ним следим, переключится на тебя. Он сука мстительный, расчётливый. И не остановится, пока не добьётся своего.

Мне не нужно, чтобы и брата эта падла зацепила, мать тогда точно не переживёт, ей отца хватило, когда его убили два года назад. Брат хочет чтото сказать, но я перебиваю:

— Слушай, есть идея. Давай сыграем на его жадности. Он ведь хочет участок любой ценой? Значит, надо подкинуть ему наживку.

Яр заинтересованно наклоняется вперёд:

— Какую ещё наживку?

— Мы можем «проговориться» комунибудь из его людей, что готовы продать землю. Но только лично ему, на встрече. Пусть думает, что победа близка. А мы тем временем соберём доказательства, пусть сам себя выдаст. Запись разговора, какието документы... Что угодно! А потом отправить это

в СМИ инкогнито.

Яр задумчиво постукивает пальцами по подлокотнику стула. Вижу, как в его глазах загорается знакомый огонёк.

— Рискованно! — медленно произносит он.

— Очень рискованно. Но может сработать. Только вот вопрос, кто будет «проговариваться»? Ты в таком состоянии не сможешь играть роль.

Я усмехаюсь:

— У нас есть пара проверенных ребят, которые умеют изображать и не такое. Один из них как раз водил знакомство с какимто типом из окружения Решетникова. Можно устроить «случайную» встречу в баре, пару кружек пива... Он и «проболтается».

Брат кивает, в глазах читается одобрение.

— Ладно! — говорит он.

— План, конечно, шаткий, но лучше, чем ничего. Я займусь организацией. Но ты! — он строго поднимает палец.

— Будешь лежать и выздоравливать. И ещё мне врач тут успел доложить, что ты женщинами уже интересуешься?

— А я думал, врачи умеют хранить тайны? — отвечаю я брату, криво усмехаясь.

Боль снова напоминает о себе, тупой пульсацией в груди, но я стараюсь не подавать виду.

Яр лишь хмыкает и пожимает плечами:

— Ну, знаешь... Профессиональная солидарность, врач врачу всегда чтонибудь да выболтает.

— Да и потом? — он прищуривается.

— Какая девочка всемогущего «Шторма» могла чем-то зацепить, что даже мне стало любопытно. Кто она?

Я пожимаю плечами, морщась от очередного всплеска боли:

— Не видел толком. Размытый силуэт в белом халате. Но голос...

Яр кивает, словно что-то для себя решив:

— Ладно, Савыч. Раз так, я разузнаю про неё. Где живёт, всё, что нужно.

Я хочу возразить, но брат, встает быстро со стула, пожимая мне руку и скрывается из палаты, обещая прийти завтра.

Глава 4 Ася

Утром я собиралась в спешке на работу, стараясь не разбудить мужа. Ночью я практически не спала, Толя храпел на всю комнату. Я лежала, уставившись в темноту, и считала вдохи, пытаюсь найти в этом какой-то ритм, который усыпит меня хоть на пару часов. Но сон не шёл.

В голове крутились обрывки вчерашнего вечера, пощёчина, колючий взгляд свекрови, мои дрожащие руки. И вопрос тот самый, что теперь не давал покоя:

«Сколько ещё?»

Секса нет уже давно, а мне и не надо. Только отвращение, даже когда он пытается что-то сделать, у него не получается. И я радуюсь этому. Радуюсь, что он не прикасается ко мне, не дышит в затылок, не шепчет свои унижительные «ты должна», «ты обязана».

В такие моменты я чувствую себя вещью, удобной, покорной, безликой. А когда он отворачивается, разочарованный, я мысленно благодарю судьбу за эту маленькую передышку.

Одеваюсь почти в темноте, джинсы, водолазка с высоким воротом, чтобы скрыть синяк, который ещё не зажил с прошлого раза, щека после вчерашнего слегка опухла. Накидываю куртку, засовываю в сумку сменную обувь, пачку влажных салфеток, маленькую бутылочку воды. Всё это на автомате, будто тело действует само, пока разум где-то далеко.

Осторожно открываю дверь. Скрип и я замираю, прислушиваюсь. Потом выдыхаю с облегчением, выхожу на лестничную клетку и тихо закрываю дверь.

На улице морозно. Воздух колючий, свежий, он будто промывает лёгкие, выдувает из головы остатки ночного кошмара. Я иду к остановке, втягиваю голову в плечи, прячу лицо от ветра. В кармане вибрирует телефон, опять муж.

«Ты где?»

«Почему не сказала, что уходишь?»

Пальцы дрожат, но я печатаю ровно:

«Уже на пути к работе. Да и тебя не хотела будить?».

Автобус подъезжает, я забираюсь внутрь, сажусь у окна. Люди вокруг хмурые, сонные, каждый погружён в свои мысли. А я смотрю на мелькающие улицы и вдруг вспоминаю палату, со вчерашним новым пациентом.

В клинику прихожу, когда Настя сидит, пьёт кофе, заканчивая свою смену.

— Ну как смена прошла? — спрашиваю её, а сама стараюсь повернуться к ней другой щекой, чтобы она ничего не заметила.

Настя поднимает глаза, хмурится, внимательно смотрит на меня так, будто видит насквозь.

— Ася? — тихо говорит она.

— Поверниська сюда.

Я мешкаю, но всётаки поворачиваюсь. Она вскакивает, подходит ближе, осторожно берёт меня за подбородок, раз-

ворачивает к свету.

— Опять? — шепчет она.

— Он снова?..

Отвожу взгляд. Внутри всё сжимается, не от боли, а от стыда. Стыда за то, что я это терплю. За то, что позволяю с собой так обращаться.

— Да ладно! — пытаюсь отмахнуться.

— Просто неудачно повернулась, ударилась о шкаф...

— Ась? — Настя берёт меня за руки.

— Хватит врать. И себе, и мне. Сколько можно? Ты же умная, сильная, лучшая медсестра в отделении! Почему ты позволяешь ему так с тобой?

В горле ком. Хочется разрыдаться прямо здесь. Но я сжимаю кулаки, заставляю себя дышать ровно.

— А куда я денусь, Насть? У меня ни своего угла, ни сбережений. Толя контролирует все деньги. Свекровь на моей шее. Если я уйду, он найдёт меня.

Настя молчит несколько секунд, потом решительно трясёт головой:

— Ну есть кризисные центры в конце концов?

— Насть, а потом что? Он же мне прохода не даст? Как я буду на работу ходить? Это всё не про меня. Я не смогу. Я слишком слабая. — отвечаю её, качая головой.

— Ты не слабая! — резко перебивает Настя.

— Ты просто загнанная. Но ты же медсестра, Ася! Ты каждый день видишь людей, которые борются за жизнь. Ты по-

могаешь им.

Я смотрю на Настю и про себя гоняю в голове эту мысль, про кризисный центр.

— Хорошо, я подумаю! — киваю ей, но внутри бушует вихрь сомнений.

А затем иду переодеваться на смену.

Смена начинается стандартно с процедур, капельниц и уколов, таблеток и заполнения бумаг.

И только я дохожу до палаты с новеньким, вижу у его двери двух мужиков. Один спит на стуле, вытянув ноги, почти на весь проход, другой стоит как памятник, только глаза живые, которые со злостью и интересом на меня смотрят.

— Вы кто такие и что делаете здесь? — спрашиваю я, а самой как-то не по себе от этих громил.

Тот, который спал открывает один глаз, потом другой, убирает ноги с прохода, кидая взгляд на второго и говорит.

— А эта не в курсе медсестричка? — отвечает как будто не мне.

— «Шторма» охраняем.

— Кого? — переспрашиваю я, и голос дрожит, хотя я изо всех сил стараюсь этого не показать.

Второй мужчина, тот, что стоял у двери, делает шаг ко мне. Он выше меня на голову, плечи широкие, будто из камня вырубленные.

— Савелия Алексеевича. — говорит он низким, глухим голосом.

— Охраняем. Приказ.

— Но... — я сглатываю, пытаюсь собраться с мыслями!

— Здесь больница, а не тюрьма. Пациентам не нужны охранники.

Спящий мужчина наконец полностью просыпается, потягивается, хрустит шеей.

— Девочка. — он ухмыляется.

— Ты лучше не лезь не в своё дело. Твоя задача, уколы ставить, да капельницы вешать. Остальное тебя не касается.

«Ладно! — говорю я про себя.

Это действительно не моё дело».

В клинику иногда поступают богатые люди, и мне уже можно было бы привыкнуть к их причудам, но не могу. Открываю одной рукой дверь, другой завожу штатив с капельницей в палату. И поднимаю глаза на пациента.

Он лежит с закрытыми глазами и кажется ещё спит. Его лицо бледное, осунувшееся, под глазами тёмные круги. Но выглядит лучше по сравнению со вчерашним.

Я делаю шаг вперёд, стараясь не шуметь.

— Савелий Алексеевич? — шёпотом зову я.

— Я сейчас должна поставить вам капельницу.

Он медленно открывает глаза, фокусирует взгляд на мне.

— Ты кто? — спрашивает он охрипшим ото сна голосом.

— Я.. я медсестра, Ася. — отвечаю ему немного растерявшись.

Он проводит рукой по лицу, как будто стирая остатки сна,

и отвечает:

— Ася, значит...

Я не понимаю, что он хочет сказать, повторяя моё имя, но мне нужно сделать работу, так как ждут другие пациенты.

— Да. — киваю я, стараясь сосредоточиться.

— Я сейчас поставлю вам капельницу, хорошо?

И только я отворачиваюсь, чтобы приготовить капельницу, как вижу краем глаза, что он поднимается и спускает ноги с кровати.

— Вы с ума сошли, вы только после операции! — чуть ли не кричу я ему и подбегаю, чтобы снова его уложить.

Он поднимает на меня глаза, в них злость, ярость и что то еще.

— Слушай Ася, мне нужно в туалет, а иначе я нафурю в постель, пока в меня будет вливаться твоя капельница! А я так не хочу! — отвечает он жёстко, но не обидно.

— Я могу дать вам утку! — нахожу я очередной аргумент.

— Я не беспомощный! — глухо говорит он, уже поднимаясь на ноги.

— Ну хорошо, опирайтесь тогда одной рукой на меня, я вам помогу! — отвечаю я ему.

Савелий Алексеевич колеблется мгновение, но слабость берёт своё, он всё-таки кладёт тяжёлую руку на моё плечо.

Мы медленно движемся к двери в санузел. Каждый шаг даётся ему с трудом, дыхание прерывистое, лицо бледнеет ещё сильнее. Я чувствую, как его пальцы сжимают моё пле-

чо, то ли от боли, то ли от злости на собственную беспомощность.

— Не смотри на меня так. — хрипло бросает он, уловив мой обеспокоенный взгляд.

— Я не развалиюсь... Просто... немного не в форме!

— Конечно! — киваю я.

— Вы просто немного перенесли операцию, чуть больше суток, а так нормально!

Он фыркает, но ничего не говорит. Мы доходим до двери и заходим внутрь.

Образы героев

Глава 5 Савелий

Всю ночь мне снятся снова кошмары,но каждый раз,меня зовёт тот голос.

— Савелий Алексеевич? Я сейчас должна поставить вам капельницу! — снова звучит её голос, тот самый, что пробился ко мне сквозь тьму.

Я открываю глаза. Глюк? Нет, реальность. Перед мной стоит молодая девчонка в белом халате.

В голове мелькает:

«Чё они здесь мне колют?» — но я тут же отбрасываю эту мысль.

Слишком уж явственно вижу её, аккуратное личико, на щеке небольшая припухлость.

«Потом спрошу!» — проносится в голове.

Взгляд невольно скользит дальше, под белым халатом угадывается стройная фигура, очертания которой не скрыть даже свободной формой одежды. Двочка,которая сможет уместится в ладонь.

«Стоп, Сава, не туда понесло тебя!»

— Ты кто? — хотя ответ я итак знаю,эта та девчонка,чей голос я слышал вчера,когда отходил от наркоза.

— Я.. я медсестра,Ася. — наконец то отзывается она.

— Ася,значит! — думаю про себя,имя идёт ей.

Она начинает,что-то лепетать про капельницу,но мой мо-

чевой пузырь совсем этого не хочет и я пытаюсь встать, и спустить ноги.

«Блять, как же башка кружиться опять начинается?»

Но слышу как девчонка оббегает кровать и начинает чуть ли не на ухо мне кричать, от чего башка еще больше начинает трещать.

— Вы с ума сошли, вы только после операции! — причитает она.

Я злюсь от того, что сейчас такой беспомощный, а еще эта кареглазая тут своим запахом уничтожает мой последний нерв. От нее пахнет чем-то ванильным как в детстве и немного лекарствами, которыми я сам наверно тоже пропах уже.

— Слушай Ася, мне нужно в туалет, а иначе я нафурю в постель, пока в меня будет вливаться твоя капельница! А я так не хочу!

И это правда, не хочу никаких уток, что я блять безногий. Нужно как то дойти до сортира. Но я не рассчитываю свои силы, вертолеты в голове начинают еще больше кружить и мне приходится согласиться на помощь девчонки.

Но когда моя рука ложится на её плечо и её запах еще больше ударяет в нос, мне уже не понятно чего больше охота, поссать или прислонить её к стене. Хотя я вряд ли это сейчас смогу и девчонка видит как мне хреново. Поэтому иду с ней до туалета.

— Не смотри на меня так! — хрипло говорю я, чувствуя, как головокружение накатывает новой волной.

— Я не развалюсь... Просто... немного не в форме.

Ася кивает, но в глазах ни капли насмешки, только тревога. Она поддерживает меня, и я невольно отмечаю, какие у неё тонкие пальцы хрупкие, но сильные.

— Конечно! — мягко отвечает она.

— Вы просто перенесли операцию чуть больше суток назад, а так всё нормально.

Она заводит меня в сортир и ждёт. Я смотрю на неё удивленно.

— Что хочешь посмотреть? Ну я конечно не против! Но предпочитаю делать это не перед девушкой! — говорю ей и вижу как Ася краснеет, теряется, но потом поднимает подбородок и говорит смело.

— А если вам станет плохо?

— Ну моё дело предупредить? — говорю я и от того, как я берусь за резинку штанов, она резко разворачивается, кидая мне:

— Подожду за дверью, но смотрите сами! и выбегает хлопая дверью.

Я стою, ухмыляюсь, глядя на закрытую дверь. В груди что-то странно ёкает, не то от боли, не то от чего-то другого, непривычного.

— Ну и девчонка... — хрипло бормочу себе под нос, опираясь на раковину.

Закончив свои дела, я открываю кран и споласкиваю холодной водой лицо. Капли стекают по шее, немного приводя

в чувство.

Вытираю лицо бумажным полотенцем и выхожу из туалета. Ася стоит у двери, сложив руки на груди. При виде меня она слегка вздрагивает, но тут же берёт себя в руки.

— Всё в порядке? — спрашивает она, и в голосе ни капли насмешки, только искренняя забота.

— Да! — киваю я, стараясь говорить твёрдо.

Она кивает в ответ и снова берёт мою руку, чтобы положить на своё плечо, помочь дойти до кровати. На этот раз я не сопротивляюсь. Её пальцы тёплые и это странно успокаивает. Ася помогает мне и поправляет подушку. Движения у неё плавные, выверенные, видно, что делает это не в первый раз.

— Теперь капельница! — говорит она, берясь за систему. — Она обязательна? — я кривлюсь. — Да и поможет вам быстрее встать на ноги! — она смотрит прямо на меня, и в её карих глазах ни тени страха или пресмыкания.

Я вдруг ловлю себя на мысли, что хочу узнать её лучше.

— Ну всё, а теперь лежите спокойно, я зайду или другая медсестра. Вон там над головой у вас есть кнопка вызова персонала, если что-то пойдет не так, нажмите её, а мне нужно к другим пациентам! — говорит она спокойно и уже разворачивается на выход.

— Ася, я хочу, чтобы пришла ты! — говорю я ей строго, но не жёстко.

Она замирает, потом разворачивается и смотрит на меня,

и в её взгляде нет раздражения, только лёгкая растерянность.

— Савелий Алексеевич, у меня ещё несколько пациентов... — начинает она тихо.

— Я понимаю! — перебиваю я, стараясь говорить ровнее.

— Но сделай исключение. Пожалуйста.

Последнее слово даётся мне нелегко. Я редко его использую. В моей жизни всё обычно решается иначе, приказами, деньгами, связями. Но сейчас это не сработает.

Ася закусывает губу, будто взвешивает все «за» и «против». Потом кивает:

— Хорошо. Я попрошу коллегу присмотреть за остальными на ненадолго! — добавляет она строго.

— У нас не так много персонала, чтобы я могла...

— Спасибо! — перебиваю я, и на этот раз в голосе нет ни намёка на приказ.

Глава 6 Ася

Поведение Савелия Алексеевича желает лучшего, он пытается быть самостоятельным, но мне больше знать, когда человек приходит в себя после операции, тем более такой сложной, как у него.

Когда я с ним захожу в туалет, мне бы уйти, всё-таки мужчина, но про себя думаю:

«Вдруг ему станет хуже?»

— Что хочешь посмотреть? Ну я конечно не против! Но предпочитаю делать это не перед девушкой? — говорит он мне, а сам ухмыляется.

И я пулей вылетаю из туалета, прижимая ладонь к пылающим щекам. Сердце колотится так, будто я пробежала стометровку.

«Ну и хам! — мелькает в голове, но тут же одёргиваю себя.

Он же после операции, ему тяжело, он не в себе...»

Стою у двери, прислушиваюсь. В голове вихрь противоречивых мыслей, с одной стороны возмущение его бесцеремонностью, с другой профессиональное понимание, человек ослаблен, раздражён, чувствует себя уязвимым. И эта уязвимость прорывается вот такой грубой бравадой.

Я прислушиваюсь к звукам за дверью, шаги, шум воды... Наконец дверь приоткрывается, и он появляется на пороге. Бледный, лоб покрыт испариной, держится за косяк, чтобы

не упасть.

— Всё в порядке? — спрашиваю его.

— Да! — отвечает он и я снова беру его руку, чтобы помочь ему дойти до постели.

Он смотрит на меня несколько секунд, будто опять что-то решая. В его глазах уже не читается сопротивление, но и силы явно на исходе. Он тяжело вздыхает и чуть заметно кивает, соглашаясь.

Мы медленно движемся обратно к кровати.

Я ставлю ему капельницу и говорю, что попозже найду или другая медсестра подойдет. Меня ждёт ещё девять палат.

Но когда я дохожу до выхода, я слышу его настойчивое предложение. Но в нем нет жестокости и меня это вводит в замешательство. Богатые пациенты привыкли, чтобы было всё как они хотят.

Я замираю у двери, не веря своим ушам.

Его спасибо, пожалуйста. Эти слова звучат так непривычно, что на мгновение я теряю дар речи. И в голове мелькает мысль:

«А так бывает? Чтобы мужчина не приказывал, а просил...»

Но всё-равно выхожу из его палаты согласившись.

Около двери те же охранники.

Тот, что повыше, бросает на меня короткий взгляд, холодный, оценивающий. Второй, который раньше спал, теперь внимательно изучает меня, чуть склонив голову набок.

«Этот Савелий Алексеевич явно не простой человек? — думаю я про себя.

И ранение тоже получил не просто так, я видела его карту. Но я отмечаю эту мысль, это не моё дело. У меня и без этого куча проблем, а пациенты ждут».

Захожу в процедурную, беру поднос с лекарствами для следующих пациентов. Предупреждая Вику, мою напарницу, чтобы зашла в палату с новеньким посмотреть капельницу. Руки чуть дрожат, то ли от усталости, то ли от напряжения последних минут. Глубоко вдыхаю, пытаюсь собраться.

Иду по палатам, выполняю привычные действия, проверяю состояние больных, раздаю таблетки, ставлю уколы.

Ближе к вечеру я всётаки направляюсь в палату Савелия Алексеевича. Хотя обещала зайти пораньше, но привезли новых пациентов. Времени буквально не было ни минуты.

«Хотя отчитываться я не собираюсь!» — мысленно говорю себе.

Захожу в палату. Он лежит с закрытыми глазами, но услышав шаги, тут же открывает их.

— Простите я вас разбудила, просто хотела проверить как вы? Ладно отдыхайте.. — говорю я ему делая шаг назад, но он меня останавливает.

— Нет не разбудила! Присядь, раз уж пришла? — его голос одновременно грубый, но не обидный.

Я беру стул и присаживаюсь рядом, он слегка приподнимается и не сводит с меня взгляда.

— Давно здесь работаешь медсестрой? — спрашивает он.

Я на мгновение замираю, не ожидая такого вопроса. В его голосе попрежнему слышится грубоватая интонация, но нет злости. Скорее интерес.

— Уже два года! — отвечаю я, стараясь говорить ровно, хотя внутри всё почемуто напрягается.

— После колледжа сразу сюда устроилась.

— В институт почему не пошла? — снова спрашивает он.

Я смотрю на него и не понимаю,зачем он это всё спрашивает?Не говорить же ему,что муж не отпустил,да и незачем ему это знать.

— В институт... не получилось! — осторожно отвечаю я, отводя взгляд.

— Решила сначала набраться опыта здесь, в клинике.

Савелий Алексеевич чуть прищуривается, будто пытается прочесть между строк.

— Опыт дело хорошее! — кивает он.

— Но ведь медсестра это не предел, верно? У тебя наверняка есть какие-то планы, мечты... Что хочешь в жизни?

Его вопрос ударяет прямо в сердце. Планы? Мечты? Когда в последний раз я вообще о таком думала? Всё, что у меня есть, это «надо накормить», «надо убрать», «надо успеть», «надо вытерпеть»...

— Я... — голос чуть не подводит, но я заставляю себя продолжить.

— Я просто хочу быть хорошей медсестрой.Помогать лю-

дям.

Савелий Алексеевич внимательно смотрит на меня, будто взвешивая каждое слово.

— Не просто работа, а именно помогать. — не спрашивает, а утверждает он.

— Да. Мне важно знать, что я могу быть полезной. Что я не просто... — замолкаю, едва не проговорившись о том, какой вижу себя в глазах мужа и свекрови.

Он будто улавливает недосказанное. — Не просто вещь, да? — неожиданно произносит он.

Я вздрагиваю и смотрю на него выпученными глазами.

Савелий Алексеевич медленно качает головой:

— Ася, я видел много людей в жизни. И научился замечать, когда человек загнан в угол. Ты так смотришь иногда... будто ждёшь удара? Припухлость на щеке, она ведь не от удара о предмет. Верно?

У меня перехватывает дыхание. Никто никогда не говорил со мной так прямо, кроме Насти.

— Это... это не ваше дело! — пытаюсь встать, но он останавливает меня прикосновением своей руки.

Но я вырываю свою руку и отвечаю грубо.

— Вы заделались в психолога, Савелий Алексеевич, но я не нуждаюсь в нём!

Я вижу как он тоже злится, желваки ходят ходуном, но он просто сканирует меня взглядом.

— Лучше отдыхайте! — отвечаю я разворачиваясь и вы-

летаю из палаты.

Глава 7 Савелий

Я лежу, смотрю в потолок и пытаюсь унять внутренний хаос. Мысли скачут, как загнанные кони, то к Решетникову, то снова к Асе.

«Нахрена мне вообще нужно, чтобы она пришла? — мысленно говорю себе.

Ну она или другая медсестра, какая разница? У меня дел по горло, выжить, сохранить участок, не дать брату подставиться... А я тут из-за какой-то девчонки теряю концентрацию».

Но картинка её лица никак не выходит из головы. Карие глаза, тёплые, но с какой-то затаённой грустью. Припухлость на щеке... Это след от удара. И кольцо на безымянном пальце правой руки. Замужем? Или помолвлена?

От этой мысли внутри что-то неприятно сжимается. Злюсь на себя ещё сильнее.

«Да что со мной творится? — проносится в голове.

Меня чуть не грохнули, валяюсь тут как полено, с капельницей в вене, а думаю о ней. Савелий, ты совсем с катушек съехал?»

Пытаюсь переключиться на главное. Решетников. Его жадность, наша единственная зацепка. План с «наживкой» рискованный, но других вариантов пока у меня нет. Нужно, чтобы кто-то из наших «случайно» проговорился его людям,

что мы готовы продать участок. Только лично ему, на встрече. Пусть почувствует вкус победы, тогда станет менее осторожным. Ошибётся. Даст нам улики.

Закрываю глаза, делаю медленный вдох и тут же морщусь от тупой пульсации в груди. Боль напоминает, я пока бесполезен. Лежу, как мешок с костями, а брат рискует, собирая доказательства, организуя слежку. И вместо того чтобы продумывать следующий ход, я размышляю о девчонке.

«Это слабость, Савелий! — жёстко одёргиваю себя.

Но ты не можешь себе её позволить. Не сейчас. Не с таким противником, как Решетников».

Пока капает капельница, беру телефон и набираю «филина», этот человек знает его круг и сможет донести до него, что мы готовы продать участок.

Набираю номер и жду. После третьего гудка слышу хрипловатый голос Филина:

— Шторм? Ты? Живой, значит.

— Ну если слышишь мой голос, значит да! — отвечаю я, стараясь говорить ровно, хотя каждое слово даётся с трудом.

— Но это может быть ненадолго, если Решетников продолжит в том же духе.

Филин хмыкает:

— Слышал про взрыв. Сочувствую. Что нужно?

Я делаю паузу, собираясь с мыслями. Голос звучит хрипло, но я стараюсь придать ему твёрдости:

— Нужно подкинуть ему наживку. Скажи комунибудь из

его окружения, что я готов продать участок. Но только лично ему, на встрече. Пусть почувствует вкус победы.

В трубке на мгновение повисает тишина. Слышу, как Филин затягивается сигаретой, даже через телефон чувствую запах табака. И самому хочется затянуться.

— Рискованно, Шторм! — наконец говорит он.

— Решетников не дурак. Он может почуять подвох.

— В томто и дело! — я морщусь от вспышки боли в груди, но продолжаю:

— Он слишком жаден. Слишком уверен в себе. Он уже видит этот участок своим, считает, что я сломлен. Вот и пусть думает так дальше. Когда он придёт на встречу, мы всё запишем. И отправим куда надо.

Филин снова затягивается. Слышу, как он выдыхает дым.

— Ладно! — говорит он наконец.

— У меня есть пара знакомых в его кругах. Один точно клюнет на такое. Но учти, если он заподозрит неладное, ты станешь его главной мишенью.

— Я и так его главная мишень! — хрипло смеюсь я.

— Он не остановится, пока не добьётся своего. Так пусть сам себя выдаст.

Филин молчит несколько секунд, потом спрашивает:

— Когда?

— Чем быстрее, тем лучше! — говорю я.

— Понял! — отвечает Филин.

— Выздоровливай друг!

— Обязательно! — отвечаю ему и отключаюсь.

Только откладываю телефон, слышу стук в дверь и в палату входит медсестра, не Ася.

— Доброе утро Савелий Алексеевич! Как у вас тут дела? — говорит она мне, подходя к штативу капельницы, смотрит и снимает её с катетера.

— Как вы себя чувствуете? — спрашивает она.

— После вашей капельницы хреново! — отвечаю ей злясь.

— Ну этого не может быть, после нее пациентам должно быть лучше? — отвечает она, но я игнорирую её ответ и перебиваю.

— А где другая медсестра?

Медсестра пожимает плечами, её лицо остаётся бесстрастным:

— Если вы про Асю? То у нас график Савелий Алексеевич! Ася сейчас с тяжёлым пациентом в шестой палате. Как освободится заглянет, если получится.

«Если получится» — эхом отдаётся в голове. Внутри всё сжимается от досады. Я киваю, делая вид, что меня это устраивает, но раздражение бурлит где-то под рёбрами, смешиваясь с тупой болью.

— Понятно! Мне нужно отдохнуть! — грублю я, хотя она ничего плохого мне не сделала.

Медсестра коротко улыбается, берет штатив с капельницей и выходит, аккуратно прикрывая за собой дверь.

Резко поворачиваюсь на бок, морщась от вспышки боли в груди. Взгляд цепляется за кнопку вызова персонала над головой.

«Нажать? — проносится в голове.

Нет, это уже слишком. Ты не капризный ребёнок, Савелий, а взрослый мужик. Перетерпишь».

Закрываю глаза, пытаюсь сосредоточиться на плане с Решетниковым. Но мысли всё равно возвращаются к Асе.

Вдруг дверь тихонько приоткрывается. Я резко открываю глаза, но это снова не она. В палату заглядывает санитарка с подносом, на котором еда.

— Доброе утро, ваш завтрак! — говорит она.

Киваю, стараясь не показывать, как меня всё злит.

На подносе стоит чай, сок, каша и бутерброд. Есть не особо хочется. Но закинуть в желудок что-то нужно. Кашу игнорирую, съедаю бутерброд и запиваю чаем. Меня опять вырубает и просыпаюсь я снова от открывающейся двери.

Ася.

Она выглядит уставшей, под глазами тёмные круги, волосы чуть растрепались изпод шапочки. Но когда замечает, что я смотрю на неё, на лице появляется лёгкая улыбка.

— Простите я вас разбудила, просто хотела проверить как вы? Ладно отдыхайте.. — говорит она, но я торможу её.

Глава 8 Савелий

— Не разбудила! Присядь, раз уж пришла? — отвечаю я, стараясь говорить мягче, но выходит грубовато.

Ася берёт стул и садится рядом с постелью. Я внимательно слежу за каждым её движением, как она аккуратно ставит стул, как садится на самый краешек, чуть ссутулившись, будто готова в любой момент сорваться с места. Её пальцы нервно теребят край халата, едва заметный жест, но я его ловлю.

«Давно здесь работаешь медсестрой?» — спрашиваю я.

Она замирает на мгновение, всего на долю секунды, но этого достаточно, чтобы заметить, вопрос застал её врасплох. В глазах мелькает расстерянность, будто она взвешивает, что сказать.

«Уже два года! — отвечает Ася, стараясь говорить ровно. После колледжа сразу сюда устроилась».

Её голос звучит спокойно, но я чувствую напряжение, оно витает в воздухе, как статическое электричество перед грозой.

«В институт почему не пошла?» — продолжаю я.

Ася отводит взгляд. В этом коротком жесте, целая история. Не просто «не получилось», а «не дали», «не разрешили». Я слишком хорошо знаю этот тип мужчин, тех, кто считает, что женщина должна знать своё место.

«В институт... не получилось! — осторожно отвечает она. Решила сначала набраться опыта здесь, в клинике».

Киваю, будто удовлетворён ответом, но это ложь. Она прячет что-то за этими словами, что-то тяжёлое, давящее.

«Опыт дело хорошее! — говорю я.

Но ведь медсестра, это не предел, верно? У тебя наверняка есть какие-то планы, мечты... Что хочешь в жизни?»

В её глазах мелькает боль, острая, почти физическая. Она на мгновение теряет самообладание, и я вижу то, что она так старательно прячет? Душу, загнанную в угол.

«Я просто хочу быть хорошей медсестрой. Помогать людям» — тихо отвечает Ася.

«Не просто работа, а именно помогать!» — говорю я.

Она кивает, но взгляд становится стеклянным. Я вижу, как она мысленно отгораживается, ставит барьер между нами.

«Мне важно знать, что я могу быть полезной. Что я не просто...» — она замолкает, не договорив.

Но я заканчиваю фразу за неё:

«Не просто вещь, да?»

Ася вздрагивает так резко, будто я ударил её. В её глазах, шок, страх, растерянность. Она пытается вскочить, но я успеваю коснуться её руки. Лёгкое прикосновение, но она вырывает руку, как от ожога.

«Это... это не ваше дело!» — бросает она, голос дрожит от злости и обиды.

«Вы заделались в психологи, Савелий Алексеевич, но я не нуждаюсь в нём!»

Я молчу. Внутри всё кипит, от злости на того, кто сделал её такой, от бессилия, от желания защитить. Но я знаю, сейчас любое слово будет лишним. Любое движение, ошибкой.

Смотрю, как она разворачивается и почти выбегает из палаты. Дверь хлопает, и в палате становится слишком тихо.

Опускаюсь на подушку, закрываю глаза. Боль в груди напоминает о себе тупой пульсацией, но она ничто по сравнению с тем, что творится внутри.

«Чёрт, Савелий! — мысленно ругаю себя.

Ты перегнул. Она и так на грани, а ты полез с расспросами».

Но в то же время понимаю, я прав. Припухлость на щеке, вздрагивание от резких звуков, эта вечная настороженность, всё сходится. Ктото ломает её, превращает в тень самой себя.

И я не могу просто закрыть на это глаза.

Открываю глаза, смотрю в потолок.

«Ладно! — решаю про себя.

Сначала разберусь с Решетниковым. А потом... потом помогу ей».

Через час приходит брат. Как всегда без стука и как-будто не в больницу. От него шума, больше чем от маленького ребёнка. Мыжимаем друг другу руки, он ставит целый пакет жарчки, и протягивает мне сигареты, садясь на стул. Я встаю и опускаю ноги на пол, чтобы наконец открыть окно и затя-

нуться сигаретой.

— Сав, а тебе вставатьто можно? — с тревогой в голосе спрашивает Яр, когда я, кряхтя, опускаю ноги на пол.

— Да нормально всё! — хрипло отвечаю я, морщась от вспышки боли в груди.

— Не развалюсь. Просто дышать полной грудью пока не получается, а так пустяк.

Подхожу к окну, но брат меня опережает и сам открывает окно. В лицо бьёт прохладный вечерний воздух, он немного отрезвляет, прогоняет остатки тумана в голове. Достая сигарету, Яр тоже берёт. Закуриваю, затягиваюсь не глубоко, потому как дышать пока больно. Дым заполняет лёгкие, и на секунду кажется, что стало чуть легче.

Яр молча наблюдает за мной, скрестив руки на груди и тоже курит. Вижу, как он хмурится, но ничего не говорит. Знает, если я чтото решил, переубедить меня сложно.

— Я сегодня звонил «филину» и договорился с ним, что он выйдет на человека, кто устроит встречу с Решетниковым. Он отзвонится мне позже. А у тебя что?

— Слежка за Решетниковым поставлена, пока он нигде не прокололся, но у него была встреча в мэрии города и он оттуда вышел злым! — говорит Яр.

— И ещё, я пробил твою медсестричку. Ася верно?

Я смотрю на брата и вижу что он стебается надо мной.

Но он поднимает руки в сдающем жесте, видя мой испепеляющий взгляд и говорит далее то, что я и предполагал.

— Замужем пять лет, медсестрой работает в клинике около двух лет, при чём её здесь хвалят! Муженёк её мент и та ещё сволочь, три года назад, он был ранен, по последним источникам, якобы в перестрелке, но на самом деле, он мутит что то с группировкой Дюхи ржавого, помнишь такого? — говорит брат.

— Мент, значит! — медленно повторяю я, затягиваясь сигаретой.

Дым на секунду заполняет лёгкие, но облегчения почти не приносит.

— И что за тип? — спрашиваю, стараясь не выдать, насколько меня зацепила эта информация.

Яр пожимает плечами, но я вижу, он уже всё разузнал до мелочей:

— Зовут Анатолий Скрипин. Майор. Служит в отделе по борьбе с экономическими преступлениями. На бумаге, примерный семьянин и честный служитель закона. На деле... Сам понимаешь. Три года назад его якобы ранили в перестрелке. Но наши источники шепнули, он тогда крышевал поставки контрафактного алкоголя. Передел сфер влияния, разборки, вот и схлопотал пулю. После этого, говорят, остепенился. Но характер, дерьмо.

Я стискиваю зубы. Припухлость на щеке Аси, её вздрагивание от резких звуков, вечная настороженность, всё сходится.

— Ты уверен насчёт Дюхи Ржавого? — уточняю я.

— На сто процентов. У Дюхи свои каналы в полиции, и Скрипин там не последний человек. Видимо, прикрывает какие-то схемы. А может, и сам в деле.

Затушиваю сигарету в кружке, потому что нет пепельницы, морщась от вспышки боли в груди. Мысли скачут, выстраивая цепочку, муж-полицейский с тёмными связями, запуганная жена-медсестра, кольцо на пальце, которое она носит будто под принуждением...

— Сав, ты чего так напрягся? — замечает Яр.

— Да всё, что сейчас ты мне рассказал, сходится с тем, что я и предполагал! — говорю я ему, смотря в окно.

Глава 9 Ася

До конца смены остаётся десять минут, я передаю смену и выхожу из клиники на улицу.

Погода к вечеру разбушевалась, мороз и ветер. Прохожие все стараются быстрее дойти до остановки или любого укрытия. Автобус как всегда приходит битком, но по другому никак, метро не идёт до моего дома. Меня можно сказать заносят в автобус и я кое — как доезжаю. По дороге забегаю опять в магазин, вспоминая, что есть в холодильнике из еды, затариваюсь и с полными пакетами захожу в подъезд. Лифт опять сломался, поэтому я поднимаюсь на пятый этаж пешком, с тяжёлыми пакетами в руках. Каждый шаг отдаётся усталостью в ногах, но я уже привыкла, лифт ломается с завидной регулярностью. Дыхание сбивается, но я упорно иду вверх, ступенька за ступенькой.

В голове всё ещё звучат слова Савелия Алексеевича: «Ты так смотришь иногда... будто ждёшь удара».

Как он смог увидеть то, что я так старательно прячу от всех? Даже Настя не говорила об этом так прямо. От этих мыслей внутри что-то дрожит, то ли страх, то ли надежда, то ли просто усталость, накопившаяся за эти годы.

Подхожу к двери, ставлю пакеты на пол, ищу ключ в сумке. Руки замёрзли, перчатки оставила утром дома, а на улице и правда мороз. Наконец, открываю замок, вхожу в квар-

тиру. По звукам слышу, что свекровь в своей комнате опять смотрит телевизор на всю громкость. И вдруг в прихожей вижу обувь мужа, отчего напрягаюсь.

«Почему он дома? Он должен быть еще на работе?»

Но мне сначала нужно переодеться, поэтому приходится идти в нашу комнату. И только открыв дверь, вижу на кровати Толю, который лежит и храпит, лёжа на животе, прямо в своей полицейской форме. Я чувствую стойкий запах перегара, грязных носков и пота, которые сразу ударяют в нос. Я стараюсь даже не дышать, мне нужно просто взять спортивные штаны и футболку, чтобы не разбудить его. Открываю тихонько шкаф, достаю одежду и уже направляюсь из комнаты, чтобы переодеться в ванной. Но слышу злой голос мужа:

— Куда пошла! Чё там шкеришься? Переодевайся здесь!

Я замираю на месте, рука так и остаётся на ручке двери. Внутри всё сжимается, знакомый ледяной комок страха, который уже столько раз сковывал меня, в самые неожиданные моменты.

— Я... я просто хотела переодеться в ванной, чтобы не мешать! — отвечаю тихо, стараясь не смотреть на него.

Толя садится на кровати, потягивается с хрустом, и запах перегара становится ещё сильнее. Он хмуро смотрит на меня, прищуривается:

— Мешать? Ты мне никогда не мешаешь, Ася. Наоборот, ты создана, чтобы мне угодить. Так что раздевайся здесь. Прямо сейчас.

Его голос звучит лениво, но в нём слышится угроза, та самая, от которой по спине бегут ледяные мурашки. Я чувствую, как начинают дрожать руки, как подгибаются колени.

— Толя, пожалуйста... — начинаю я, но он резко перебивает: — Что «пожалуйста»? Ты что, забыла своё место? Нет, Ася. Ты моя жена. И будешь делать то, что я скажу.

Мне сейчас настолько страшно и противно, что внутри живота начинаются спазмы. Должны прийти месячные, но цикл сбился, наверно из-за нервов. Я знаю, что Толе нужен секс, выучила его поведение за годы. Я трясущимися руками начинаю снимать с себя свитер и джинсы. Муж рывком встаёт с постели и движется на меня, отчего я инстинктивно иду назад и упираюсь лопатками спины в дверь шкафа.

— Иди ко мне! Удовлетвори своего мужа!

Я отступаю, пока не упираюсь лопатками в дверь шкафа, дальше отступать некуда. Руки всё ещё трясутся, свитер снят, джинсы спущены до колен. Холод пробирает до костей, но не от температуры в комнате, от ужаса, который сковывает каждую мышцу.

— Толя, пожалуйста, не надо! — голос срывается, в горле ком, дышать всё труднее.

— Мне правда плохо... У меня живот болит, цикл сбился, я... я не в порядке..

Он останавливается в шаге от меня, смотрит сверху вниз, глаза мутные, лицо покраснелось. В ноздри снова бьёт запах перегара, и меня начинает тошнить.

— Не в порядке она! — хрипло смеётся он.

— Как мужу угодить, сразу плохо ей?

Я стою и готовлюсь, что он снова меня ударит, но продолжаю говорить ему хоть что-то, чтобы он от меня отстал.

— Я просто... я устала. Очень устала. За день столько всего... В клинике тяжело, потом в автобусе битком, пакеты тяжёлые тащила, лифт опять не работал...

Он делает ещё шаг, теперь его лицо совсем близко. Я чувствую его дыхание, стараюсь не дышать полной грудью.

— Устала? — переспрашивает он, и в голосе звучит что-то новое, не просто злость, а какое-то злое любопытство.

— И что? Я тоже устал. На работе, знаешь, не курорт. А я пришёл домой и хочу, чтобы жена меня встретила как положено. А не шкерилась по углам.

— Дай мне сделать ужин и тогда... тогда всё будет. Мама твоя ведь тоже без еды сидит, ты забыл? — нахожу я отговорку.

Он на мгновение замирает, будто обдумывает мои слова. В его глазах мелькает что-то, не то раздражение, не то сомнение. Я задерживаю дыхание, боясь спугнуть этот хрупкий момент.

— Ужин? — переспрашивает он, хмуря брови.

— И что, ужин важнее мужа?

— Нет, конечно, нет! — торопливо отвечаю я, стараясь, чтобы голос звучал ровно, не выдавал дрожь внутри.

— Но ты же знаешь, что у нас нет сиделки, а ей кроме меня

не кому помочь? — давлЮ я снова на жалость мужа.

Он отступает на шаг, проводит рукой по лицу, трёт лоб. Запах перегара попрежнему витает в воздухе, но я уже почти привыкла к нему, как привыкаешь ко всему отвратительно-му, если сталкиваешься с ним слишком часто.

— Ладно! — наконец цедит он.

— Ужин. Да, я бы не отказался пожрать и надо выпить, башка начинает болеть. Но ты всё-равно сегодня обслужишь меня. Поняла?

— Поняла. — киваю я, чувствуя, как внутри чтото отпускает. Крошечная победа и передышка, но какая же она важная сейчас.

Он разворачивается и идёт обратно к кровати, падает на неё с тяжёлым вздохом.

— Вали, делай там... Я отдохну немного... И чтоб без фокусов! — добавляет он, уже не глядя на меня.

Я быстро натягиваю джинсы и футболку. Руки всё ещё дрожат, но уже не так сильно. Осторожно, стараясь не шуметь, выхожу из комнаты и тихо прикрываю за собой дверь. Опираюсь на неё спиной, закрываю глаза на несколько секунд. Глубоко вдыхаю, выдыхаю. Получилось. На этот раз получилось его переубедить.

Иду на кухню, ставлю чайник. Руки всё ещё подрагивают, но я заставляю себя сосредоточиться на деле. Открываю холодильник, достаю продукты. Мысли мечутся, как испуганные птицы:

«Что дальше? Как жить?»

На ужин уходит где-то минут сорок, накладываю еду в тарелки и иду к свекрови в комнату. Она как всегда бубнит и не смотрит даже на меня, но мне всё-равно, я выдерживаю её выпады и иду дальше заниматься домашними делами.

Нужно позвать на ужин мужа, но идти страшно. И только я хочу уже сделать шаг, как слышу как муж сам выходит в прихожую, уже одетый. Вид у него помятый, но видно что он куда-то собрался.

Я замираю на пороге кухни, не решаясь сделать шаг.

— Ты... ты куда? — спрашиваю я, сама удивляясь тому, как тихо и хрипло звучит мой голос.

Он бросает на меня короткий взгляд, потом идёт, берёт и одевает куртку.

— На работу! — бросает коротко.

— Вызвали.

Внутри смешиваются противоречивые чувства, облегчение, потому что он уходит, и тревога, потому что я слишком хорошо его знаю. Это не просто «вызов на работу». Это может быть чем угодно, встреча с друзьями, очередная попойка, а может, и что-то похуже. Но главное, сейчас он уйдёт, и этой ночью, ничего не случится.

Он открывает дверь, на секунду замирает на пороге.

— А ты... чтобы к моему возвращению была готова. Поняла?

Я киваю, хотя внутри всё сжимается.

«Готова» это что значит? Что он имеет в виду? Но я не решаюсь переспросить.

— Поняла. — тихо отвечаю я.

Дверь захлопывается. Я остаюсь стоять посреди кухни. Несколько долгих секунд просто дышу, глубоко, прерывисто, будто только что вынырнула изпод воды. Руки всё ещё подрагивают, но уже не так сильно. Облегчение накатывает волной, оставляя после себя странную пустоту и усталость, такую глубокую, что колени подкашиваются.

«Сколько это может продолжаться? — снова и снова спрашиваю себя.

Год? Два? Всю жизнь?»

Разворачиваюсь, иду в ванную умыться. Вода холодная, она немного приводит в чувство. Смотрю на своё отражение в зеркале, тёмные круги под глазами, бледное лицо. Но в глазах что-то меняется.

" Я что-нибудь придумаю. Я найду выход! ». — шепчу себе.

Глава 10 Ася

Ночью сплю беспокойно, каждый раз вздрагивая от любого звука. Толя так и не возвращается. И от этого мне даже легче дышать.

Утром готовлю кашу свекрови, хоть она её и не любит. Но с её заболеванием, ей полезно. Она сама передвигается на коляске по квартире, поэтому иногда завтракает на кухне.

— Опять эта овсяная каша! — говорит она с порога, заезжая как всегда недовольная.

Я молча ставлю перед ней тарелку. Движения отработаны до автоматизма, ложка, салфетка, чай позже. Свекровь кривит губы, но всётаки начинает есть, недовольно бурча что-то себе под нос. Я стараюсь не слушать. Смотрю в окно, за стеклом сегодня серое утро, без солнца и снова метель. В голове пустота после бессонной ночи.

— Чего встала столбом? — хрипло бросает она, через несколько минут.

— Убери со стола, что застыла?

Я вздрагиваю, беру её тарелку, в ней ещё треть каши. Как хочет, пусть сидит голодная, надоела с закидонами своими. И иду выкидывать кашу в мусорку. Руки чуть подрагивают, но уже не так сильно, как вчера. Внутри всё равно сидит тугой комок тревоги. Муж так и не вернулся. Телефон молчит. Ни сообщения, ни звонка. И от этого легче... но в то же время

страшнее.

«Где он?» — вопросы крутятся в голове, как заезженная пластинка.

Но я заставляю себя сосредоточиться на делах. Сегодня не моя смена, но я договорилась с заведующей выйти, лишние деньги не помешают, а главное, я буду подальше от дома, от этой гнетущей атмосферы, от ожидания чего-то неизбежного.

Пока кипятится чайник, я достаю из сумки блокнот и начинаю считать. Зарплаты едва хватает на самое необходимое, продукты, лекарства для свекрови, мелкие бытовые нужды. Коммунальные платежи, непредвиденные расходы... Каждый рубль на счету. Если подрабатывать чаще, может, удастся отложить хоть немного. На чёрный день. Или... на побег? Мысль проносится молнией, но я тут же отодвигаю её подальше. Пока это кажется нереальным. Но где-то глубоко внутри что-то шевелится, крошечная искра надежды.

Свекровь тем временем докатывается до двери и резко разворачивается, чуть не задев меня коляской.

— Ты опять витаешь в облаках? — шипит она.

— Бесполезная, бестолковая... Толя правильно делает, что тебя воспитывает!

Я сжимаю губы, чтобы не ответить. Киваю, будто соглашаюсь, и отхожу в сторону. Знаю эту тактику, если промолчать, она скоро переключится на что-то другое. Так и выходит, бормоча что-то о «нынешнем поколении», свекровь уезжает в свою комнату, так и не попив чай.

Выхожу из квартиры, закрываю дверь на ключ.

Лифт, так и не работает, привычно спускаюсь пешком, выходя из подъезда. На улице сегодня ещё на порядок холоднее, я сильнее натягиваю шапку на голову и спешу к остановке.

По дороге в клинику мысли снова возвращаются к Толе. Где он сейчас? Пьянствует где-то или действительно на работе? И что будет, когда он вернётся?

«К моему возвращению будь готова...» — эти слова звучат в голове, как приговор. Но теперь я не просто жду удара. Я начинаю думать. Искать выходы.

Он думает, что я сегодня дома. Поэтому решаю перезвонить ему и рассказать о дополнительной смене, когда доберусь до клиники, потому что уже опаздываю.

Отделение встречает привычным шумом, голоса медсестёр ночной смены, скрип колёс каталки. Я здороваюсь с ними, надеваю медицинский костюм, мою руки и иду принимать дела. Люба медсестра чуть постарше и увидев меня в дверях процедурной удивляется.

— Ась привет, а ты чего здесь? Не твоя же смена?

Я стараюсь включиться в работу.

— Привет, подменилась просто! — коротко отвечаю ей.

— Ааа понятно! Да, я тоже буду наверно брать дополнительные смены, деньги сейчас нужны, я ведь замуж выхожу Ась!

Я оборачиваюсь к ней, улыбаясь.

— Поздравляю Люб! Очень рада за тебя!

Люба вспыхивает, поправляет выбившуюся прядь, будто вдруг вспомнила, что она не просто уставшая медсестра, а невеста.

— Да я сама ещё не верю! — шепчет она, оглядываясь, не слышит ли кто.

— Всё как-то наперекосяк, а тут вот... счастье нашлось.

И от этого её тихого «счастье нашлось» у меня внутри что-то ёкает. Не зависть, нет. Скорее тоска по чему-то, чего я уже и не надеюсь почувствовать. По ощущению, что тебя берегут. Что ты не расходный материал, не удобная вещь, которую можно дёргать, ломать, требовать от неё бесконечного «надо».

— Желаю, чтобы это счастье было навсегда! — говорю я ей и на этот раз голос чуть дрожит, но я не прячу эту дрожь. Пусть Люба видит, я правда рада.

Она кивает улыбаясь, а потом протягивает мне папку с записями и коротко, по делу, рассказывает про новых пациентов. Про скачки давления у старика из пятой палаты, про то, что в седьмой опять капризничает бабушка, ей не нравится, как ставят капельницу, будто она чувствует, что рука у медсестры чуть-чуть дрожит.

А у меня она до сих дрожит. Не от того, что я боюсь ставить эти капельницы, а от того, что я всё ещё там, в квартире, стою у шкафа, прижавшись лопатками к дверце, и жду, что будет дальше.

Но здесь, в клиники, среди запаха спирта, хлорки и лекарств, среди суеты и чужих болей, я могу собрать себя обратно. Здесь я человек. Не жена для ненавистного мужа, не прислуга для свекрови. А человек, от которого зависит здоровье и жизнь пациента.

Люба рассказав про пациентов, уже прощаясь, разворачивается и собирается уйти, но вспоминает что-то и обернувшись снова ко мне, тараторит:

— Ась, слушай, я же еще про одного пациента забыла рассказать, вот голова «садовая», совсем с этой свадьбой, дурдом в голове!

— Он из палаты вип, ну которого охраняют! После процедуры вчера спрашивал о тебе?

Глава 11 Савелий

Я стою у окна, сжимаю пальцами подоконник так, что костяшки белеют. Боль в груди снова накатывает, тупая, злая, будто кто-то давит на рану изнутри. Но я не чувствую её по-настоящему. Внутри всё горит другим огнём. Хочется опять закурить.

Слова Яра крутятся в голове, как заевшая пластинка:

«Замужем... мент... сволочь... прикрывает схемы...»

Припухлость на щеке Аси. Её вздрагивание, когда я чуть повысил голос. То, как она отдернула руку, будто обожглась. Кольцо, которое она носит не как символ любви, а как кандалы.

Всё сходится. И от этого понимания внутри всё сжимается в тугую, болезненный узел.

— Сав, ты меня слышишь? — голос Яра доносится будто сквозь вату.

— Ты в порядке?

Я киваю, не оборачиваясь. Не хочу, чтобы брат видел, как у меня сейчас внутри всё кипит. Я ведь не должен этого чувствовать. У меня своя война, с Решетниковым, за участок, за дело отца, за жизнь, в конце концов. А тут какая-то девчонка, медсестра, которую я толком и не знаю...

Но её голос. Он пробился ко мне сквозь тьму, когда я балансировал на грани между жизнью и смертью. Тёплый, спо-

койный, как якорь в шторм. И теперь я знаю, что этот якорь держат в тисках.

— Этот Скрипин, значит та ещё сволочь? — говорю хрипло, не поворачиваясь. Голос звучит жёстко, но внутри всё дрожит от напряжения.

Яр вздыхает, потирает шею. Видит, что меня это зацепило не на шутку.

— На сто процентов, Савыч. У ребят из отдела есть доступ к закрытым сводкам. Этот тип давно на карандаше, просто пока не за что было зацепить. Слишком хитро всё делает. Да и связи... Ты же знаешь, как это работает.

Я стискиваю зубы. Знаю. Слишком хорошо знаю.

— И Ася... — я замолкаю, пытаюсь подобрать слова, чтобы не выдать, насколько это для меня важно.

— Она вообще в курсе, чем занимается её муж?

Яр пожимает плечами:

— Кто её знает... Может, догадывается. А может, и нет. Иногда люди годами живут рядом с чудовищем и делают вид, что не замечают клыков. Особенно если выбора нет.

От этих слов внутри всё холодеет. Я вспоминаю её глаза, карие, глубокие, в которых столько затаённой боли, что хочется просто закрыть её собой от всего мира.

«Не просто вещь, да?» — эти слова сами сорвались с языка, и она вздрогнула, как от удара. Потому что правда попала в самое больное место.

— Слушай! — говорю я, наконец оборачиваясь к брату.

— Мне нужно, чтобы ты коечто для меня сделал.

Яр приподнимает бровь, скрещивает руки на груди:

— Ну-ка, ну-ка... Только не говори, что хочешь ввязаться ещё и в эту историю? У тебя своих проблем выше крыши.

— Не ввязаться! — отрезаю я.

— Просто... присмотри за ней. Не напрямую, не так, чтобы она что-то заподозрила. Просто пусть твои ребята держат её в поле зрения.

— Савыч! — перебивает Яр, и в его голосе звучит предостережение.

— Ты сейчас не в том состоянии, чтобы играть в рыцаря. У тебя операция была, ранение, и ты едва на ногах стоишь. А этот тип, мент с грязными связями. Влезем проблем не оберёмся.

— Я не прошу влезать! — рычу я и тут же морщусь от вспышки боли в груди.

Делаю глубокий вдох, стараясь взять себя в руки.

— Просто присмотри. Чтобы с ней ничего не случилось. Этого достаточно.

Яр долго смотрит на меня, будто пытается прочесть все мысли, которые я так старательно прячу. Потом медленно кивает:

— Ладно. Сделаю. Но ты мне обещаешь, никаких геройств. Сначала на ноги встань, с Решетниковым разберись. А потом уже будешь спасать...

Я криво усмехаюсь:

— Договорились.

Брат хлопает меня по плечу, осторожно, но ощутимо:

— Ладно! Всё будет нормально Сав! Тебе нужно сначала поправиться!

Когда дверь за Яром закрывается, в палате снова становится тихо. Слишком тихо. Я подхожу к кровати, но лечь не хочется. Вместо этого сажусь на край, опускаю голову, упираюсь локтями в колени.

В голове снова и снова прокручиваю наш разговор с Асей. Я перегнул. Слишком резко, слишком прямо.

А кто поможет ей? Кроме меня..

Телефон в кармане вибрирует. Достаяю, смотрю на экран, Филин.

— Да! — отвечаю коротко, стараясь говорить ровно.

— Шторм, есть движение! — голос Филина звучит хрипловато.

— Мой человек передал, что ты готов продать участок. Решетников заглотил наживку. Хочет личной встречи. Говорит, что сам всё решит, без посредников.

Внутри всё сжимается. План начинает работать. Но сейчас эта новость почему-то не приносит того удовлетворения, на которое я рассчитывал.

— Когда? — спрашиваю, чувствуя, как в груди снова пульсирует боль, то ли от раны, то ли от напряжения.

— Завтра вечером. Кафе «Прибой», знаешь такое?

— Знаю.

— Он придёт с охраной, но не со всей толпой. Хочет выглядеть уверенным, будто держит ситуацию под контролем.

— Отлично! — выдавливаю я.

— Значит, у нас будет шанс.

Филин хмыкает:

— Ты только там не геройствуй. Ты сейчас не в лучшей форме.

— Буду сидеть и улыбаться! — усмехаюсь я.

— Ну всё, отбой.

Отключаюсь, кладу телефон на тумбочку. Смотрю на дверь, будто ожидая, что она вот-вот откроется и войдёт Ася. Но через несколько минут заходит другая медсестра.

— Добрый вечер, Савелий Алексеевич! У вас капельница.- говорит она, заводя в палату опять кронштейн с жидкостью и видя, что я сижу.

— Вы почему не соблюдаете постельный режим? Вам сейчас нужен только покой! — причитает она.

— И чем это здесь пахнет? Вы что, курили здесь?

Я игнорирую её тираду вопросов и отвечать на них нет желания. И поворачиваясь, смотрю на неё, от чего она замолкает и задаю ей один единственный вопрос.

— Где медсестра, Ася?

Она стоит хлопает глазами от моего грубого голоса, но мне не до сантиментов.

— А у Аси смена закончилась! Послезавтра будет.

— Ясно! — бросаю и ложусь, отворачиваясь к окну. За

стеклом уже темно, только редкие огни фонарей дрожат в снежной вечерней мгле.

Она ещё пару секунд мнётся,потом тихо выдыхает:

— Давайте поставлю вам капельницу и вам бы полежать...

И про курение я доктору скажу. Нельзя вам сейчас!

Я не отвечаю. Просто киваю, чтобы она побыстрее ушла.
Мне нужно остаться одному.

Глава 12 Савелий

Я стою у окна, сжимаю пальцами подоконник так, что костяшки белеют. Боль в груди снова накатывает, тупая, злая, будто кто-то давит на рану изнутри. Но я не чувствую её по-настоящему. Внутри всё горит другим огнём. Хочется опять закурить.

Слова Яра крутятся в голове, как заевшая пластинка:

«Замужем... мент... сволочь... прикрывает схемы...»

Припухлость на щеке Аси. Её вздрагивание, когда я чуть повысил голос. То, как она отдернула руку, будто обожглась. Кольцо, которое она носит не как символ любви, а как кандалы.

Всё сходится. И от этого понимания внутри всё сжимается в тугую, болезненный узел.

— Сав, ты меня слышишь? — голос Яра доносится будто сквозь вату.

— Ты в порядке?

Я киваю, не оборачиваясь. Не хочу, чтобы брат видел, как у меня сейчас внутри всё кипит. Я ведь не должен этого чувствовать. У меня своя война, с Решетниковым, за участок, за дело отца, за жизнь, в конце концов. А тут какая-то девчонка, медсестра, которую я толком и не знаю...

Но её голос. Он пробился ко мне сквозь тьму, когда я балансировал на грани между жизнью и смертью. Тёплый, спо-

койный, как якорь в шторм. И теперь я знаю, что этот якорь держат в тисках.

— Этот Скрипин, значит та ещё сволочь? — говорю хрипло, не поворачиваясь. Голос звучит жёстко, но внутри всё дрожит от напряжения.

Яр вздыхает, потирает шею. Видит, что меня это зацепило не на шутку.

— На сто процентов, Савыч. У ребят из отдела есть доступ к закрытым сводкам. Этот тип давно на карандаше, просто пока не за что было зацепить. Слишком хитро всё делает. Да и связи... Ты же знаешь, как это работает.

Я стискиваю зубы. Знаю. Слишком хорошо знаю.

— И Ася... — я замолкаю, пытаюсь подобрать слова, чтобы не выдать, насколько это для меня важно.

— Она вообще в курсе, чем занимается её муж?

Яр пожимает плечами:

— Кто её знает... Может, догадывается. А может, и нет. Иногда люди годами живут рядом с чудовищем и делают вид, что не замечают клыков. Особенно если выбора нет.

От этих слов внутри всё холодеет. Я вспоминаю её глаза, карие, глубокие, в которых столько затаённой боли, что хочется просто закрыть её собой от всего мира.

«Не просто вещь, да?» — эти слова сами сорвались с языка, и она вздрогнула, как от удара. Потому что правда попала в самое больное место.

— Слушай! — говорю я, наконец оборачиваясь к брату.

— Мне нужно, чтобы ты коечто для меня сделал.

Яр приподнимает бровь, скрещивает руки на груди:

— Ну-ка, ну-ка... Только не говори, что хочешь ввязаться ещё и в эту историю? У тебя своих проблем выше крыши.

— Не ввязаться! — отрезаю я.

— Просто... присмотри за ней. Не напрямую, не так, чтобы она что-то заподозрила. Просто пусть твои ребята держат её в поле зрения.

— Савыч! — перебивает Яр, и в его голосе звучит предостережение.

— Ты сейчас не в том состоянии, чтобы играть в рыцаря. У тебя операция была, ранение, и ты едва на ногах стоишь. А этот тип, мент с грязными связями. Влезем проблем не оберёмся.

— Я не прошу влезать! — рычу я и тут же морщусь от вспышки боли в груди.

Делаю глубокий вдох, стараясь взять себя в руки.

— Просто присмотри. Чтобы с ней ничего не случилось. Этого достаточно.

Яр долго смотрит на меня, будто пытается прочесть все мысли, которые я так старательно прячу. Потом медленно кивает:

— Ладно. Сделаю. Но ты мне обещаешь, никаких геройств. Сначала на ноги встань, с Решетниковым разберись. А потом уже будешь спасать...

Я криво усмехаюсь:

— Договорились.

Брат хлопает меня по плечу, осторожно, но ощутимо:

— Ладно! Всё будет нормально Сав! Тебе нужно сначала поправиться!

Когда дверь за Яром закрывается, в палате снова становится тихо. Слишком тихо. Я подхожу к кровати, но лечь не хочется. Вместо этого сажусь на край, опускаю голову, упираюсь локтями в колени.

В голове снова и снова прокручиваю наш разговор с Асей. Я перегнул. Слишком резко, слишком прямо.

А кто поможет ей? Кроме меня..

Телефон в кармане вибрирует. Достаяю, смотрю на экран, Филин.

— Да! — отвечаю коротко, стараясь говорить ровно.

— Шторм, есть движение! — голос Филина звучит хрипловато.

— Мой человек передал, что ты готов продать участок. Решетников заглотил наживку. Хочет личной встречи. Говорит, что сам всё решит, без посредников.

Внутри всё сжимается. План начинает работать. Но сейчас эта новость почему-то не приносит того удовлетворения, на которое я рассчитывал.

— Когда? — спрашиваю, чувствуя, как в груди снова пульсирует боль, то ли от раны, то ли от напряжения.

— Завтра вечером. Кафе «Прибой», знаешь такое?

— Знаю.

— Он придёт с охраной, но не со всей толпой. Хочет выглядеть уверенным, будто держит ситуацию под контролем.

— Отлично! — выдавливаю я.

— Значит, у нас будет шанс.

Филин хмыкает:

— Ты только там не геройствуй. Ты сейчас не в лучшей форме.

— Буду сидеть и улыбаться! — усмехаюсь я.

— Ну всё, отбой.

Отключаюсь, кладу телефон на тумбочку. Смотрю на дверь, будто ожидая, что она вот-вот откроется и войдёт Ася. Но через несколько минут заходит другая медсестра.

— Добрый вечер, Савелий Алексеевич! У вас капельница.- говорит она, заводя в палату опять кронштейн с жидкостью и видя, что я сижу.

— Вы почему не соблюдаете постельный режим? Вам сейчас нужен только покой! — причитает она.

— И чем это здесь пахнет? Вы что, курили здесь?

Я игнорирую её тираду вопросов и отвечать на них нет желания. И поворачиваясь, смотрю на неё, от чего она замолкает и задаю ей один единственный вопрос.

— Где медсестра, Ася?

Она стоит хлопает глазами от моего грубого голоса, но мне не до сантиментов.

— А у Аси смена закончилась! Послезавтра будет.

— Ясно! — бросаю и ложусь, отворачиваясь к окну. За

стеклом уже темно, только редкие огни фонарей дрожат в снежной вечерней мгле.

Она ещё пару секунд мнётся,потом тихо выдыхает:

— Давайте поставлю вам капельницу и вам бы полежать...

И про курение я доктору скажу. Нельзя вам сейчас!

Я не отвечаю. Просто киваю, чтобы она побыстрее ушла.
Мне нужно остаться одному.

Глава 13 Ася

Я выслушав Любу, делаю вид, что очень удивлена. Не нужно ей знать лишнего. Да и не было у нас с Савелием Алексеевичем ничего, просто разговор по душам, не более.

— Я поняла Люб.

— Ладно, мне нужно идти работать! — говорю я ей, давая понять, что разговор окончен.

И иду к шкафчику набирать лекарства в шприцы, для первых двух палат.

Люба ещё пару секунд мнётся, будто хочет что-то добавить, но потом только кивает и уходит.

А я остаюсь наедине с тишиной процедурной. Уже через минуту сюда ворвётся новая волна дел, срочные назначения, чьи-то жалобы, чей-то страх, который нужно успокоить парой спокойных слов.

Проходит где-то час, я успеваю обойти около шести палат. Следующая палата Савелия Алексеевича.

Беру штатив с капельницей и укол с подносом. Кое-как дохожу до палаты. Охранники уже другие, но пропускают меня и открыв дверь, я вижу Савелия Алексеевича, стоящего около дверей ванны.

Я замираю на пороге, он смотрит на меня таким взглядом, что мурашки пробегают вдоль спины. Но он не зол, наоборот, как-будто рад меня видеть. Он выглядит намного луч-

ше, но вставать ему ещё всё-равно нельзя.

— Савелий Алексеевич! Вы же после операции. Вам нельзя! — о чём и говорю я ему тихо, но голос отчего то дрожит.

— Мне нужно! — перебивает он меня немного жёстко, как-будто хочет скрыть от меня свою беспомощность.

Но потом он сразу смягчает голос, добавляя.

— Прости. Просто... мне нужно в душ. Хотя немного смыть с себя эту больничную вонь. Чувствую себя... не человеком.

Я киваю, не спорю, понимая его.

— Ну..хорошо, я..я дождусь вас, мне нужно в любом случае сделать вам укол и поставить капельницу! — отвечаю ему растерянно и иду ставить поднос на тумбочку около кровати.

А он заходит в ванную.

«Ася соберись! Да он сложный пациент, но сколько у тебя их было! Но почему я на него тогда так реагирую?» — думаю я, подходя к окну.

Прижимаю ладонь к холодному стеклу. За ним город укутан в снег, будто кто-то набросил на него тяжёлое белое одеяло и от этой белизны становится не спокойно, а пусто. Скоро Новый год.

А я его не чувствую. Ни предвкушения, ни чуда. Для меня Новый год это просто ещё одна смена, ещё один способ спрятаться.

Толя в праздники всегда уходил гулять с друзьями, а я

стараюсь брать смены.

«Так спокойнее» — говорю я себе.

Дверь открывается, я оборачиваюсь на звук. Савелий Алексеевич выходит, опираясь на косяк. Мокрые волосы прилипли ко лбу, в чистой одежде и взгляд устремлен на меня.

— Всё в порядке? — говорю я и уже хочу сделать шаг к тумбочке, чтобы сделать ему укол.

Но он в два шага настигает меня и его рука неожиданно ласково прикасается к моей щеке. Такое простое движение, но такое забытое и от этого прикосновения, произвольно закрываются глаза.

Я чувствую шероховатость его пальцев и они вызывают такую волну мурашек, отчего я открывая глаза, понимаю что это неправильно. И уже хочу сказать ему об этом. Но не успеваю даже договорить его имя, как он подходит ко мне вплотную и впивается в мои губы поцелуем.

Поцелуй не нежный, но настойчивый и он вызывает такое желание, отчего я пугаюсь и разорвав его, упираюсь ладонями в грудь Савелия Алексеевича. Не сильно, осторожно, помня про его швы, про недавнюю операцию, про то, что он всё ещё пациент, а я медсестра. Но главное я упираюсь, чтобы удержать саму себя, чтобы не рассыпаться от этого внезапного тепла, которое ударило под дых и теперь мешает дышать.

— Савелий Алексеевич... Зачем? Вы...

Он делает шаг назад, сам не до конца понимая, что он сей-

час сделал.

А затем разворачивается и идёт к кровати, садясь, не глядя на меня. Опускает голову, проводит ладонью по влажным волосам и говорит слова, жёстко, без оправданий, без попыток сгладить углы:

— Прощения просить за это не буду! Ты мне нравишься. Не буду это скрывать. И пусть это сейчас не вовремя, пусть всё это вообще не к месту, но врать, будто ничего не было, я не стану.

Я стою, будто вросла в пол и от этой прямоты мне вдруг становится легче дышать.

Как если бы в мире, где от меня всё время чего-то хотят, вдруг появился человек, который просто говорит как есть.

Но я не могу позволить себе эту правду. Не сейчас. Не тогда, когда дома меня ждёт не дом, а ловушка, когда каждый мой шаг выверяется чужими упрёками, когда даже право на усталость нужно заслужить.

— Не надо! — тихо говорю я, и голос звучит твёрже, чем я сама себя чувствую.

— Не надо мне этого сейчас. У меня и так всё... слишком.

— Я не пытаюсь тебя ни к чему подтолкнуть. Просто не хочу, чтобы ты думала, что я сам не понимаю, что делаю. Понимаю. И знаю, что тебе это сейчас не нужно. Но и притворяться, будто я ничего не чувствую, не буду.

Он поднимает глаза. В них нет обиды, нет злости, только эта его упрямая ясность.

Я киваю. Потому что спорить с этим нечем. Потому что это честно. А честность сейчас редкость, от которой даже больно.

Подхожу к тумбочке, беру шприц. Пальцы чуть подрагивают, но я сжимаю их крепче, заставляю себя сосредоточиться. Здесь я знаю, что делать. Здесь у меня есть инструкция, дозировка, угол введения, скорость капельницы. Здесь всё понятно.

— Ложитесь, я сделаю укол! — говорю, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

Савелий Алексеевич кивает, подставляет руку. Не отводит взгляд, но и не давит. Просто ложится, ждёт.

Укол. Капельница. Проверка скорости. Всё по инструкции.

— Теперь лежите! — строго говорю я.

— Я зайду к вам через минут десять, посмотреть капельницу, если что, кнопка вызова знаете где?

Он усмехается, но без насмешки.

— Слушаюсь, товарищ медсестра!

И в этой усмешке столько признания, что у меня внутри что-то сжимается.

Глава 14 Ася

Я выхожу из палаты, а ноги будто ватные, еле держат. В груди всё горит, будто я пробежала десять лестничных пролётов без передышки. Пальцы до сих пор подрагивают и я сжимаю их в кулаки, прячу в карманы халата, чтобы никто не видел.

Коридор привычно гудит, голоса, скрип тележки, чей-то тихий стон из палаты. Всё как всегда, всё на своих местах. Но для меня мир будто сдвинулся на полшага в сторону, и теперь я иду по нему, не попадая в ритм.

«Не надо мне этого сейчас. У меня и так всё... слишком!» — эти свои слова я прокручиваю в голове, словно пытаюсь убедить саму себя, что поступила правильно.

И ведь правда правильно! Я замужняя женщина, я не должна думать о другом!

А он... Савелий Алексеевич... он сказал прямо. Без оправданий.

«Ты мне нравишься. Не буду это скрывать».

И от этой честности у меня внутри что-то дрогнуло. От того, как редко в моей жизни встречается слово, которое не пытаются тут же подмять под себя, переиначить, обернуть против меня. Толя никогда ничего не говорит прямо, он давит, требует, обвиняет. А тут просто факт.

Я сворачиваю в процедурную, хватаюсь за край стола, что-

бы хоть на секунду опереться, прийти в себя. Холодный металл под ладонями немного возвращает в реальность, вот стол, вот лоток с ампулами, вот расписание на сегодня, где каждая минута расписана. Здесь всё понятно. Здесь есть правила, которые не меняются от настроения того, кто стоит за твоей спиной.

Но в мыслях снова встает сцена, там в палате, его поцелуй, его настойчивость. И у меня от этого снова идут мурашки. От того, что мне это тоже понравилось, я тоже этого хотела. Но вибрация моего телефона вырывает меня из мыслей. Я достаю телефон и вижу на экране контакт мужа. И снова внутри всё сжимается в комок.

Пальцы замирают над ним, будто если я не нажму принять, звонок исчезнет.

Глубокий вдох и я провожу пальцем по стеклу.

— Алло! — голос выходит ровный, почти спокойный.

Только я-то знаю, как обманчива эта ровность, внутри всё натянуто, как струна, готовая лопнуть от малейшего прикосновения.

— Ты где? — голос Толи тяжёлый, будто пропитан усталостью и злостью. Или это мне так кажется, потому что я всегда жду в нём подвоха.

— На работе. — отвечаю я, стараясь не выдать, как дрожит рука, сжимающая телефон.

— Взяла дополнительную смену. Сегодня привезли новых пациентов, медсестёр не хватает...

Он не слушает. Никогда не слушает. Ему не нужны объяснения, ему нужно подтверждение.

— Я тебя жду, здесь на стоянке, около клиники, выйди!
— голос Толи в трубке звучит не как просьба, а как приказ, от которого по спине пробегает ледяной озноб.

Я прижимаю телефон к уху, будто он может меня защитить и в то же время понимаю, никакой защиты нет. Ни от этого голоса, ни от того, что ждёт меня за дверью.

— Толя, я не могу... У меня пациенты,капельницы,Вика не успевает, мы вдвоём едва справляемся... — слова вылетают сами, торопливо, будто если сказать их быстро, они станут убедительнее.

Но я знаю,они не станут. Для него это просто шум, оправдания, которые он не хочет слышать.

— Ты мне зубы не заговаривай! — рывкает он.

— Я сказал, выйди. Сейчас. Или я сам зайду. И тогда всем там будет не до твоих капельниц.

В его угрозе, привычная, отработанная жестокость. Он знает, как меня напугать,не только физически, а тем, что все увидят,какой у меня муж.

— Хорошо... — шепчу я, уже сдаваясь, потому что сопротивляться сейчас, значит подставить других.

Отключаю телефон и разворачиваясь,иду на выход,накинув пуховик.

Дохожу до выхода, сердце колотится так, будто я бегу, а не иду. Прохожу через стеклянные двери, и морозный воздух

бьёт в лицо, словно отрезвляя. На стоянке вижу знакомую машину, чёрную, с тонированными стёклами. Рядом с ней стоит Толя.

Он не смотрит на вход, уставился куда-то в сторону, руки в карманах, плечи подняты от холода или от напряжения, не важно. Но когда я выхожу, он сразу чувствует это, поворачивается, и его взгляд скользит по мне, как лезвие.

— Долго идёшь! — говорит он.

— Прости... — начинаю я, но он перебивает:

— Хватит. Садись. Поедем.

— Куда? — голос дрожит, и я не могу его скрыть.

— Толя, мне ещё работать...у меня смена!

— Я сказал, садись! — он повышает голос, и я вздрагиваю, как от удара.

— Я не могу...Как ты не понимаешь?Я ведь не могу всё бросить и не отпросившись? — говорю я ему,а он подходит ко мне и жёстко хватает меня под локоть,от чего боль пронзает руку.

— А если я тебе сейчас сломаю руку и ты уйдёшь на больничный?Тогда и отпрашиваться не надо! — говорит он и от его слов,меня начинает трясти.

Но я не успеваю даже рот открыть,как сзади слышу мужской голос и поворачивая голову,вижу,что к нам подходят два охранника,которые охраняли Савелия Алексеевича и ещё один,очень внешне похожий на него.

— Слышь мужик,по моему медсестричка не очень рада

тебя видеть? Поэтому убрал от неё свои руки и отступил назад.

Я замираю, будто мир вокруг вдруг выключили на секунду, только мороз, боль в локте и этот голос, врезающийся в тишину.

Толя дёргает руку, будто хочет удержать, но хватка слабеет и не потому, что он вдруг стал добрее, а потому что знает, что он сейчас бессилен один против троих.

— Ты кто такой, чтобы мне указывать? — шипит Толя, разворачиваясь к незнакомцу.

Тот, похожий на Савелия Алексеевича, не повышает голоса, но каждое слово ложится, как кирпич, тяжёлое, твёрдое, не сдвинешь.

— Тот, кто видит, когда женщину трогают, против её воли! Поэтому убрал руки.

Охранники делают полшага вперёд, не угрожая, просто обозначая, они здесь. И этого достаточно, чтобы воздух стал другим.

Толя бледнеет. Он смотрит то на меня, то на этих троих, будто пытается просчитать, сколько у него шансов выиграть эту битву. И, кажется, понимает, что ноль. Он резко отпускает мою руку, я отступаю на шаг, прижимаю локоть к себе, будто так боль станет тише. Пальцы дрожат, но это уже не дрожь страха, это дрожь, когда внутри что-то рвётся, и ты не знаешь, плакать тебе или кричать.

Он резко отворачивается, пинает носком ботинка сугроб,

будто это я виновата, что мир вдруг перестал быть таким удобным.

— Ладно. Но ты... — он тычет в меня пальцем.

— Ты у меня ещё ответишь. Дома поговорим.

И уходит, не оглядываясь, садится в машину, хлопает дверью так, что стёкла звенят. Мотор рычит, и чёрная машина медленно отъезжает, растворяясь в сером дне.

Я стою, не шевелясь, пока не понимаю, что почти не дышала всё это время.

Мужчина подходит ко мне, но не близко.

— Ты как? — спрашивает он просто, без пафоса.

— Нормально. — шепчу я.

— Меня зовут Ярослав! Брат Савелия. Не бойся, больше он тебя не тронет!- говорит он мне.

Я сглатываю ком.

— Ася. Спасибо.

Ярослав чуть склоняет голову, улыбаясь.

— И это, зайди к Шторму, он там лежит с капельницей и причитает, что ты про него забыла!

Глава 15 Савелий

Ася делает мне укол, ставит капельницу. После нашего поцелуя, она немного растеряна.

Но я почувствовал отдачу, когда её целовал.

Но мне не хотелось давить на девочку и сейчас во мне бушевали эмоции.

Я хотел отгородить её от мужа-тирана, от того, что она возвращается всегда домой к нему. Мне нужно было присвоить её себе. Но не как трофей, не как очередную, каких у меня было много.

Я хотел, чтобы она сама решила, сама согласилась быть свободной от той жизненной ситуации, в которой она сейчас находилась.

И в голове эгоистично промелькнула мысль:

«А если я ей предложу быть у меня сиделкой-медсестрой?»

Эта мысль въелась занозой и пока была единственным правильным решением. Нужно только, чтобы она согласилась.

Пока капельница, которую поставила мне Ася, вливалась в меня, я краем глаза увидел, как в палату влетел Яр.

Как всегда, без стука, без церемоний. В одной руке у него была вешалка, на которой висел мой костюм и рубашка, а в другой коробка с ботинками.

— Ну вот чего тебе не ложится,а?

— Держи. — повесил он вещи на стул.

— Всё, что нашёл в твоём шкафу,извини,если с цветом не угадал?Но думаю Решетникову и его псам всё-равно в чём ты будешь!Главное,чтобы он тебя там не пристрелил раньше времени! — бубнит про себя Яр и подходит к окну.

В течении минут пятнадцати, мы с ним проговариваем вечернюю встречу в кафе.А потом он вдруг резко оборачивается ко мне, и в его глазах я вижу удивление и беспокойство.

— Слушай,а там по моему твою медсестричку похитить хотят и что-то мне подсказывает,что это её ублюдочный муженек! — говорит мне брат,хмурясь.

Слова бьют, как пуля в упор. Я выдёргиваю капельницу из вены, забывая про шов, про боль, про всё. Перед глазами темнеет, но я стискиваю зубы, хватаюсь за спинку кровати.

— Что ты видишь? — голос хриплый, рваный.

Яр не сразу отвечает. Он подходит ко мне и кладя руку на моё плечо,говорит:

— Лежи,не вставай,я сейчас спущусь с ребятами к ней.

Когда он выбегает из палаты,я всё-равно поднимаюсь.Док-ковыляв до окна,я вижу такую картину.Как этот урод,держит под локоть Асю.Она не сопротивляется,но я вижу,что она напугана.

Я хватаюсь за подоконник, костяшки белеют.Мне хочется размазать его по стенке. В груди не просто боль, она взрывается, расплзается по рёбрам, как огонь, но я её не чувствую.

Вообще ничего не чувствую, кроме того, как у меня внутри всё обрывается.

Ася не кричит. Не вырывается. Только чуть опускает голову, будто старается стать меньше, незаметнее. А этот тип, Скрипин, держит её так, будто она вещь.

Потом я вижу Яра и ребят, подходящих к ним и этот ублюдок отпускает Асю.

А потом он садится в свою железяку и скрывается за поворотом. Я наконец-то могу выдохнуть.

Опять хочется жутко курить, но я не делаю этого. Скоро обход врача и мне нужно с ним договориться о выходе из больницы на вечер, а возможно насовсем.

Я хочу домой и мне нужно уговорить Асю переехать ко мне, не только из-за того, чтобы она делала мне уколы, но и просто, чтобы она была рядом.

Я возвращаюсь снова на кровать и ложусь. И только голова касается подушки, в палату вбегает Ася.

Я лежу, смотрю на неё, а в груди не просто боль, а будто раскалённый гвоздь, который проворачивают раз за разом. Но это ерунда. Пустяк. По сравнению с тем, как сердце колотится где-то в горле, когда я вижу её глаза, огромные, тёмные, полные благодарности и... облегчения.

Ася видит, что капельница не в моей вене и подходя ко мне, её голос дрожит, но она старается говорить строго, по-медсестрински.

— Вы зачем выдернули капельницу? Ну вы же так долго

будете поправляться!

Я хочу усмехнуться:

«Да мне плевать на поправку»

Но не делаю этого. Не хочу её напугать.

— С тобой всё в порядке? — спрашиваю я её и впервые за долгие годы у меня срывается голос.

Ася опускает глаза, смотрит на пустую иглу, на трубку, свисающую с держателя, будто это самое важное сейчас. Но я вижу, как у неё мелко дрожат пальцы.

— Савелий Алексеевич, спасибо вам, но не нужно было этого делать! Я бы сама...

Она снова берёт капельницу, чтобы мне её поставить, но я перехватываю её руку и она поднимает на меня глаза.

— Ася выслушай меня и прими правильное решение? Я хочу предложить тебе работу, у меня в доме медсестрой.

Она замирает и смотрит на меня так, будто пытается прочесть в моих глазах подвох. Пальцы под моими, тонкие, холодные, будто она до сих пор не отошла от того, что было там, внизу.

— Савелий Алексеевич... — начинает она, голос срывается на полуслове, и она тут же стискивает губы, будто ругает себя за эту слабость.

— Но я не могу бросить работу в клинике, ведь после того, как вы поправитесь, мне придётся снова искать работу. Да и не могу я! Мой муж... — она тут же осекается.

— Я не могу решать за тебя, Ася. Но я предлагаю тебе

безопасное место. И работу. Официальную, с договором, с нормальной оплатой.

Ася дёргает руку, но я не отпускаю. Не грубо. Просто не даю ей спрятаться за привычным, я должна, мне нельзя, так не делают.

— А потом, когда я встану на ноги. — добавляю тихо.

— Если хочешь, сможешь уйти. Я помогу тебе с квартирой и работой. Я не стану тебя держать. Клянусь.

В её глазах мелькает что-то, не доверие, нет, ещё слишком рано для доверия. Но искра надежды. Та самая, которую так легко задуть одним резким словом.

— Вы не понимаете! — шепчет она и голос у неё срывается.

— Он... он не отпустит. Он найдёт. Он везде находит. У него же... у него же связи...

Я киваю. Знаю. Слишком хорошо знаю, как работают эти связи, когда они на стороне таких ублюдков.

— Пусть ищет! — говорю спокойно.

— Пусть попробует. Я тоже не прост! Но знай, что ты будешь под моей защитой!

Ася вздрагивает, будто я сказал что-то запретное, опасное. Но в этот раз не отшатывается. Стоит, смотрит мне в глаза, и я вижу, как в ней борются два чувства, страх и отчаянное желание поверить, что есть хоть один угол, где можно

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.